

Ася Лавруша
**«ШВЕДСКИЙ
СТОЛ»**

ЛИБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург • Москва

Ася Лавруша Шведский стол (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

У Аси Лавруши редкий дар: все истории ею рассказываемые, заканчиваются ко всеобщему удовлетворению счастливо. Бывает ли такое в жизни? Какое там! Так учили когда-то соцреализму – если ночное небо, то в нем непременно луна. Если черная корова, то на боку обязательно яблоко... Если романы и повести нынешних нищеганцев, катастрофистов и сексуальных экстремистов – то посередине, конечно, рассказы со «Шведского стола»... Петербургской писательнице не столько веришь, сколько хочешь поверить.

Виктор Топоров, 2003

Содержание

Первое мая	4
Альдебаран	17
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ася Лаврушина

Шведский стол (сборник)

Первое мая

Эпическое первомайское «ура» обрушивалось на город ниагарой, заглушая мощные революционные песни, рвавшие горло уличным динамикам. Казалось, что под напором толпы Невский проспект сузился до размеров заурадной улицы, и, завоевывая себе дополнительное пространство, куда-то в небо устремлялись портреты вождей, крупные буквы коммунистических лозунгов и разноцветные гирлянды воздушных шаров.

С балкона гостиницы «Европа» нарядный народный праздник наблюдали двое иностранцев – мужчина в возрасте и девушка лет двадцати пяти. Размах зрелища вызывал у обоих напряженное, родственное страху восхищение, которое превращалось в острую тревогу, когда они замечали в толпе маленьких детей с красными флажками и огромными бумажными гвоздиками.

Постучав, к ним в номер вошла горничная, совсем девчонка, в форменном голубом халате с белым воротничком. Улыбнувшись, церемонно произнесла «хэллоу», протянула полотенца и продолжила на очень русском английском:

– Я знаю, вы просили новые...

Мужчина улыбнулся ей в ответ, подумав: «Какое милое лицо – как на этих женских портретах в Русском музее...» У девушки были большие зеленые глаза, чуть вздернутый нос с трогательной россыпью веснушек, две густые темно-каштановые косички, которые держались переплетением вьющихся прядей безо всяких заколок.

«Неужели все эти люди внизу такие же, как она? Ее родители, сестры и братья?» – подумал мужчина и спросил на очень иностранном русском:

– Как тебя зовут?

– Таня, – ответила та.

– Меня зовут Арне. Я из Швеция. Это мой дочь Клара. – Клара натянуто улыбнулась. Через открытую балконную дверь в комнату ворвались раскатыстые МИР, ТРУД и МАЙ.

Пятидесятидевятилетний Арне Стьернлёв происходил из достойной фамилии, которая несколько столетий занимала ветвистую строчку в шведском дворянском списке. Когда-то им принадлежала огромная усадьба с дисциплинированным садом у равнодушного, как зеркало, озера. Но последнему поколению аристократов удержать семейное состояние не удалось, имение продали, и семья самого Арне существовала только на зарплату. Денег, впрочем, хватало – жена работала врачом, он преподавал химию в техническом университете. Арне был седовлас, одевался немного старомодно и внешне походил на попахивающего нафталином модерата-консерватора – хотя на самом деле был коммунистом. Лет двадцать пять – тридцать тому назад, в скудное послевоенное время, когда стало понятно, что семейные материальные ресурсы исчерпаны и нужно как-то осваивать жизнь простого смертного, Арне нашел утешение в теории Маркса и Энгельса – вследствие чего и вступил в коммунистическую партию. Впрочем, практическим борцом за равноправие и народное счастье он не был никогда, а с возрастом вообще начал утрачивать интерес к каким бы то ни было социальным идеям, но из партии не выходил и на выборах инертно голосовал за своих.

Несколько месяцев назад на его имя пришло приглашение принять участие в научной конференции, посвященной развитию химической промышленности, которая будет проходить в Ленинграде 3 мая 1975 года. Институт, в котором он работал, вел переписку с химиче-

ским факультетом ленинградского университета. Многим его коллегам было бы любопытно поехать в Советский Союз, но приглашение выступить с докладом пришло персонально ему. На работе язвили, что решающим фактором, определившим выбор докладчика, оказалась его политическая принадлежность, но Арне не обращал на эти разговоры никакого внимания.

Ему хотелось взять с собой жену и дочь, но супруге не удалось получить незапланированный отпуск на работе. Двадцатилетняя же дочь Клара согласилась поехать с отцом в загадочный Советский Союз – не выразив, правда, при этом никакого конкистадорского задора.

Они прилетели в Ленинград 29 апреля поздно вечером. По дороге из аэропорта осторожно рассматривали солидный, мощный город. Вечерние фонари и по-птичьи трепещущие полотнища красных флагов на фоне изощренной по форме и сдержанной по цвету архитектуры превращали улицы в декорации для театральной фантазмагии в духе Кафки. И Арне, и Клара молча и сосредоточенно смотрели в окно машины. Встречавшая их в аэропорту представительница «Интуриста» Маргарита по дороге в гостиницу без умолку трещала о достижениях жителей города, о количестве заводов, высших учебных заведений, больниц и с заговорщицкой интонацией обещала показать им завтра Эрмитаж, Русский музей и все ленинские места.

Умудрившись воспользоваться редкой паузой, Клара спросила у фонтанообразной Маргариты, что та думает по поводу Рауля Валленберга. «Это писатель?» – невинно поинтересовалась в ответ гидесса. На что Клара мрачно ухмыльнулась, а Арне глазами дал ей знак прекратить провокации. Отношения между Швецией и Советским Союзом были относительно равными, а после того, как премьером стал Улоф Пальме, их, пожалуй, можно было бы даже назвать дружественными. Но на территории тоталитарного государства нелишне соблюдать известную осторожность в высказываниях...

Настроение у Клары вообще было сложным. На конец июня назначили ее свадьбу – завершение нервного романа, который родители не вполне одобряли, но мнение свое держали при себе. Мартин, будущий зять, был сыном их знакомых, с которыми они регулярно пересекались на свадьбах и похоронах. Жена Арне и мать Мартина даже считались подругами, но, встречаясь, неизменно обменивались колкостями, которые, как булавки, прятались в кружевах вежливых слов.

Мартин был тоже мальчиком с секретом. В свое время поступил в университет, но почти сразу же бросил учебу – вообразил себя хиппи и уехал в Индию искать смысл жизни. Клара всюду следовала за ним – поступала и уходила из университета, мчалась в Калькутту и постоянно вытаскивала его из всевозможных передраг, в которые он то и дело попадал. Родителям, разумеется, казалось, что девочка заслуживает более благополучного существования, но вмешиваться в личную жизнь дочери они не решались. К тому же однажды все внезапно изменилось – Мартин оставил свои мытарства, с блеском закончил университет, получил хорошее место в приличной фирме и увлекся карьерой. Они уже давно жили с Кларой гражданским браком, но месяц назад она обнаружила, что беременна, и начались приготовления к официальной свадьбе. Клара очень переживала, хоть внешне старалась этого не показывать, а родители надеялись, что поездка отвлечет ее от тревожных мыслей.

– Ду ю лайк ауэ сити? – спросила Таня и повторила вопрос по-русски: – Вам нравится наш город?

– Это ошен красиво, – ответил Арне и повторил ответ по-английски: – It is very beautiful!

Он восторженно рассказывал о своих впечатлениях, перемешивая русские, английские и шведские слова. Слушая, Таня кивала головой.

Вчера во время обстоятельной и многословной экскурсионной программы они действительно увидели, что город красив необыкновенно. Но – как все красивые – вовсе не прост. Город ловил момент и душил человека петляющей удавкой канала, когда-то называвшегося Екатерининским. Поражал просторами главной площади, которая размашистым жестом перебрасывала мост через серьезную, стальную реку к двум карминовым маякам с серыми колоссами у постаментов. И слепил глаза золотом мощного купола так сильно, что картина реальности расплывалась, и коробочки советских автомобилей превращались в элегантные экипажи, запряженные мускулистыми рысаками...

В Гербовом зале Эрмитажа Клара вообразила бал. Дирижерскую палочку, мотыльком мелькающую где-то на балконе под самым потолком. Шелестящие шелка и строгие фраки. И мягкое пламя свечей, дразнящее острый огонь бриллиантов... А что, родись она лет на сто пораньше, у нее был бы шанс увидеть это наяву... Нет, она вовсе не жалела о том, что времена изменились, и что не все теперь догадываются об их благородном происхождении. Мартин над их «родословной» вообще посмеивался. Впрочем, как и над своей собственной... Нет, Клара была вполне довольна своим демократическим настоящим. Но выйдя вчера из Эрмитажа, она вдруг решила, что здесь, в этом сиротском, отвергающем собственное прошлое государстве она купит себе белый шелковый материал на подвенечное платье. Это будет хорошим знаком, обещающим счастливую семейную жизнь...

– Your city is really very beautiful! – спокойно согласилась Клара с восторгами отца.

Из-под Таниного форменного халата выглядывало шелковое платье цвета беж с мельчайшими красными цветочками на тонких черных веточках.

– Is it natural silk? – спросила Клара, показав на платье.

Не поняв вопроса, Таня беспомощно улыбнулась. Арне раскрыл разговорник, с которым практически не расставался с тех пор, как узнал, что едет в Россию, и быстро нашел то, что нужно:

– Это шьолк?

– Шелк-шелк! – обрадовалась Таня, узнав слово. – Русский шелк, называется крепдешин! Ду ю лайк ит?

– Yes, – ответила Клара холодно.

Ей вообще-то не следовало ничего спрашивать у этой девчонки, и будь Мартин рядом, он наверняка как-нибудь пошутил бы над ее любопытством. Но ей действительно хотелось купить похожую ткань – плотную, но хорошо драпирующуюся, без откровенного блеска, но и не совсем матовую. Только чисто белую...

Девчонке-горничной разговор был явно интересен, уходить не хотелось. Она знала много английских слов, Арне выучил изрядное количество русских. И хотя оба иногда проносили слова, искажая их до неузнаваемости, понимали они друг друга хорошо.

– Город – это дома. But не один дома. Город – это люди, – говорил Арне, – I'd like to know more about the life of the ordinary people – those like you...

– А вы приходите к нам в гости! – предложила Таня. – Кам энд визит ас! У нас совершенно обычный дом – ординари хаус. Ай лив тугезе виз май фазе. Мой папа – фотограф...

– Really? Is it really possible? – воскликнул Арне и озабоченно добавил. – But if you get some problems? Может быть, проблем... у тебя...

– Ну какие проблемы! – Таня перешла на звонкий русский. – Завтра я не работаю. Живем мы на Невском. Запомнить очень просто: Невский проспект дом восемьдесят, а квартира восемь. Отсюда пятнадцать минут пешком. Я буду очень рада. И папа тоже.

– You are not joking?

– Да нет же! Серьезно. Сиариаз. Приходите! В три часа дня. Эт сри оклок! Невский намбер эйти, флэт эйт...

В марте семьдесят пятого Тане исполнилось шестнадцать. *Она еще читала сказки. От них у нее оставалось неизгладимое впечатление. Это были сказки о превращениях. «Карлик Нос». Он съел какие-то запрещенные вишни и у него вырос огромный нос. О халифе, который превратился в аиста. О молодом англичанине, оказавшемся обезьяной.* Иногда она подолгу смотрела в зеркало, размышляя о том, хочется ли ей самой в кого-нибудь превратиться. И если хочется, то в кого – в Золушку, Белоснежку или Крошечку-Хаврошечку? Или лучше остаться собой и посмотреть, что судьба приготовила персонально ей – Татьяне Евгеньевне Логиновой.

Вообще-то все говорили, она очень даже симпатичная. И что у нее легкий характер. Несмотря на сложную жизнь.

Три года назад у Тани умерла мама. Одновременно с этим оборвались все струны яркого звонкого детства с его шумными днями рождения, бесконечными кружками двorca пионеров и каникулами у Черного моря. Они остались вдвоем с отцом. Когда-то он был известным фотографом, у него было несколько персональных выставок в Доме журналиста, и его снимки печатали многие городские издания. После смерти матери отец потерял интерес ко всему и начал пить – тихо и униженно. Из газеты, в которой он официально числился, его не увольняли из жалости, отец это знал, но все равно постоянно подводил редакцию. С дочерью разговаривал редко – разве что на какие-нибудь бытовые темы. Таня понимала его боль, прощала слабость, тайком плакала и верила, что наступит день, когда отец сможет приспособиться к жизни без мамы. Таня же нашла в себе силы! Хотя это и вовсе не значит, что ее любовь к маме стала от этого меньше...

Таня всегда хорошо училась в школе, любила литературу, английский язык и школьный театр, где ей, как правило, доставались только крупные роли. После восьмого класса она поняла, что нужно хоть как-то помочь отцу – по крайней мере, попытаться избавить его от угрызений совести, которые возникали из-за того, что он прекратил зарабатывать деньги. Таня решила начать самостоятельную жизнь. Ушла из школы и поступила в училище, которое готовило работников для гостиничных хозяйств. Соседка по дому, тетя Вера, посоветовавшая ей это учебное заведение, привела несколько вполне убедительных аргументов. Во-первых, работа по сменам оставляла больше свободного времени, чем обычный график с восьми до пяти – так что в будущем Таня сможет поступить в какой-нибудь институт на вечернее отделение. Во-вторых, гостиницы, как правило, неплохо обеспечивали своих работников продовольственными товарами. В-третьих, в тепле и не у станка стоять...

При распределении ей предложили на выбор два места: дежурный портье в небольшой гостинице на окраине или горничная в «Европе». Дежурная по статусу была выше, но преподавательница посоветовала ей выбрать «Европу». Во-первых, то, что от них пришла разнарядка, уже само по себе было удачей – обычно ведь туда попадали только по знакомству. Во-вторых, там была реальная возможность служебного роста, гостиница организовывала для персонала курсы английского и могла даже дать направление в высшее учебное заведение по своему профилю. Училище выпускало Таню с отличной характеристикой, она была секретарем комсомольской организации своей группы, лучше всех на курсе знала язык, так что у нее были все шансы хорошо устроиться...

Конечно, Таня не рассчитывала на то, что работа будет безумно интересной – уборка она и есть уборка. Но две недели, которые она успела проработать в «Европе» до 1 мая и встречи с семейством Стьернлёв, ее сильно разочаровали.

Горничные – в основном пожилые женщины – убирая, явно халтурили. Потом сидели в подсобном помещении, пили чай, громко смеялись, то и дело выглядывая в окно. Едва завидев автобус, возвращавшийся с туристами после экскурсии, хватали свои ведра, тряпки и разбегались по номерам, изображая завершение работы. На туристов при этом смот-

рели жалостливо и просительно – а получив пачку жевательной резинки или колготки, страстно произносили «сенкью». «Презенты» потом продавались скользким личностям, которые вечно толкались за углом на Невском. Один из них, кстати, пытался к Тане приставать, но она пригрозила, что позовет милиционера, и теперь фарцовщик просто кричал что-нибудь глупое ей вслед, но подходить, слава богу, не решался.

Тане все это не нравилось, но она старалась молчать. И только три дня назад, когда увидела, как две ее коллеги – толстые тетki лет за пятьдесят – в отсутствие хозяев номера влезли в шкаф и начали примерять чужие вещи, – только тогда Таня не выдержала и сказала: «Марьфедоровна, Галинстепанна, неужели вам не стыдно?» – И в ответ получила сполна. Мол, яйца курицу не учат, плюс еще несколько слов, от которых и без того румяные Танины щеки окрасились совершенно коммунистическим кумачом.

С тех пор она старалась только здороваться и прощаться. Атмосфера сгущалась, Таня чувствовала враждебность трудового коллектива, но решить, как ей вести себя дальше, пока не могла.

Эпизод со шведами был, пожалуй, первым приятным событием за две недели, которые она проработала в гостинице. Это же были первые иностранцы, с которыми она заговорила – и они ее поняли! Мало того – и она их поняла! Этот Арне рассказывал ей об Эрмитаже и Петропавловском соборе, и еще про красивые улицы и реку. Клара, конечно, немного воображала, но Тане до этого нет никакого дела. И потом она всегда находила общий язык даже с самыми вредными девочками в школе. Нет, здорово будет, если завтра к ним придут гости из Швеции! Как-то давно отец приводил в дом болгарина, который приезжал к ним в газету. Его звали дядя Йордан, и он потом прислал ей по почте красивый значок – маленькая тряпочная кукла, перевязанная красно-белыми нитками с кисточками...

Дома Таня восторженно рассказала отцу о том, что пригласила иностранцев. Тот пожал плечами, пробормотав в ответ что-то невразумительно радостное.

«Нужно приготовить им какую-нибудь типично русскую еду», – с воодушевлением подумала Таня и открыла кошелек. Денег там было совсем мало. До праздников она получила свой самый первый аванс, но почти всю сумму пришлось отдать тете Вере. Соседка пять часов отстояла в Гостином дворе за туфлями, а нужный размер закончился прямо перед тем, как подошла ее очередь. Вот она и купила на размер меньше, Танин – а то ведь не уходить же с пустыми руками! Таня, конечно, обновке очень обрадовалась – туфли были сказочно красивые, австрийские лодочки на среднем каблучке с бантом впереди. Но стоили дорого, ей еще и в следующем месяце придется отдать половину зарплаты. Ну да ладно, как-нибудь выкрутится...

Таня начала сочинять подходящее меню для гостей. «Обильное угощение вряд ли потребуется – они же не голодны, потому что все время ходят в ресторан. Нужно что-нибудь символическое, ведь если человек впервые приходит в дом, он должен в этом доме выпить маленькую рюмочку и что-нибудь съесть, кажется, есть такая примета, – размышляла Таня. – Может, мамины луковые кольца?»

Таня, как и когда-то мама, любила удивлять гостей этим простым, но неизведанным блюдом. Предварительно ошпаренный – чтоб не кусался – репчатый лук нарезается аккуратными кольцами, потом кольца обмакиваются в кляр, приготовленный на сливках, и жарятся во фритюре до золотистой корочки. Сверху посыпаются зеленью и подаются как горячая закуска. Бутылка сливок 36 копеек, 7 копеек килограмм лука, 100 грамм подсолнечного масла, оно у нее есть. Плюс пучок укропа, за которым придется съездить на Некрасовский рынок. А если украсить блюдо по краю кружочками соленого огурца, получится вообще картинка с выставки! Огурцов у нее, кстати, осталось еще целых две трехлитровые банки! К

тому же она где-то читала, что луковые кольца имеют какое-то отношение к Достоевскому, – то ли они были любимым блюдом писателя, то ли их ела Кроткая, то ли Сонечка Мармеладова, то ли кто-то из бедных людей... К луковым кольцам по рюмке водки. А потом чай. У нее есть брусника, которую она сама собирала прошлой осенью в Карелии, когда ездила навещать тетку по матери. Она перетрет бруснику с сахаром и испечет блины. Во-первых, для блинов нужно практически то же, что и на кляр. А во-вторых, блины с брусникой это тоже блюдо с подтекстом – это же блины по-шалапински. Недавно по телевизору показывали спектакль про то, как в одной семье была редкая пластинка певца, и семья решила ее продать. Спектакль был грустным, но Тане он понравился. А еще она запомнила, что Шалапин больше всего на свете любил блины с брусникой.

На следующий день Таня проснулась в полпятого утра. Чтобы как-то унять скачущее внутри волнение, начала готовиться к приему иностранных гостей. До восьми убирала квартиру, тщательно подмела, вытерла пыль. Окна она помыла еще до праздников, но мелкий позавчерашний дождь их слегка замутнил – Таня вытащила газеты и протерла стекла еще раз. В трех водах вымыла полы. Около восьми проснулся отец. Они выпили чаю с хлебом и докторской колбасой, после чего отец собрался и ушел, сообщив, что «у него дела». Таня выбила во дворе темнобордовую ковровую дорожку с широкой зеленой и тонкими чернобелыми каемками по краям и снова расстелила ее в зале.

Съездила на рынок за укропом и луком, в молочном купила бутылку сливок, яйца и сахар, в булочной – свежий черный кирпичик. К половине десятого вернулась домой и занялась кухней. Выскоблила кастрюли и сковородки, зачем-то протерла шкафы изнутри, вынесла на балкон большую бадью, в которой она квасила капусту. Капуста была прикрыта специально купленной в аптеке стерильной марлей, а сверху придавлена большим камнем. Как-то найдя его во дворе, Таня очень обрадовалась – ведь лучшего гнета для закваски и придумать нельзя было. Она, как и мама, любила чистоту, так что перед использованием камень с улицы был как следует вымыт и даже минут пятнадцать проварен в кипящей воде – чтобы уж точно ни одного микроба не осталось. «Жалко только, что капуста еще не готова, она бы тоже была кстати», пожалела Таня и приступила к приготовлению угощения.

Без десяти три все было готово к приему гостей. На белой скатерти стояли белые тарелки с золотым ободком, на тарелках красиво разложены нарезанные соленые огурцы, чуть сбрызнутые для свежести подсолнечным маслом. Сияли начищенные серебряные вилки, мамино «приданое». Во главе стола стояла скромненькая в двести пятьдесят грамм бутылка водки, которую называли смешным словом «чекушка», рядом – желтоватые, тонкого стекла рюмочки.

Завернутая в белоснежную наволочку кастрюля с луковыми кольцами сохраняла свое тепло в спальне под подушкой. Цветом, вкусом и формой колец сама Таня осталась довольна – готовила с душой, и кольца получились на славу. Равно как и блины – пышные, румяные, ноздреватые, они тоже ждали своего часа на той же кровати, под второй подушкой.

Отец не появлялся. Таня боялась о нем думать. Ей очень хотелось, чтобы он посидел с ними за пусть скромным, но красивым столом. Но где-то глубоко в душе она опасалась, что, выпив, отец не выдержит и расплачется, начнет жаловаться или скажет что-нибудь невежливое. Иностранцы, конечно, вряд ли его поймут – она переведет им что-нибудь совсем другое по смыслу, но интонацию-то никуда не деть... «Впрочем, это совершенно не означает, что мне было бы лучше, если бы он вообще не пришел!» – сердито заявляла самой себе Таня, пытаясь мысленно переключиться на что-нибудь другое.

У трельяжа в прихожей она остановилась и внимательно посмотрела на себя. А что, она ни капельки не хуже этой Клары. Просто шведка так шикарно одета! Настоящие джинсы с цветными вставками в боковых швах, джинсовая куртка, а под ней синий бадлон с карман-

чиком, на котором что-то написано. Таня подтянула тонкий поясок на голубом в синих цветах поплиновом платье, расправила юбку-татьянку и резко вздрогнула от короткого звонка в дверь.

– You are so sweet! – воскликнул в дверях Арне, а потом взял Таню за плечи и поцеловал в щеку. Немного смутившись, Таня покосилась на Клару. Та ей просто кивнула с оптимальной дозой дружелюбия.

Клара вообще-то не испытывала никакого любопытства к тому, как живет ordinary russian people. Но отец так обрадовался приглашению, что пришел бы даже, если бы Клара не захотела никуда идти. А ведь перед поездкой их предупреждали, что КГБ способен расставлять иностранцам самые изощренные ловушки! Клара попыталась осторожно напомнить об этом отцу, но тот только рукой махнул: «Ну какая она агентка! Она же совершенно бесхитростна и краснеет так, что только из-за этого ее ни за что бы не взяли ни в какие органы!» Подумав и вспомнив разговор во всех подробностях, Клара с отцом согласилась, но одного его решила не отпускать. А этой Тане даже приготовила подарок – нейлоновый нежно-розового цвета халат с бесконечными кружевами и перламутровыми пуговицами. Халат был совсем не в Кларином стиле, но она купила его, поддавшись странному порыву, на следующий день, после того как они с Мартином решили пожениться. Развернув покупку дома, Клара с удручающей ясностью поняла, что не то что надеть – даже показать халат Мартину не решится! Да он просто обхохочется, увидев все эти оборки и бантики! Хоть Мартин в последнее время и отказался от стиля хиппи, но скепсис к традиционному украшательству сохранил. Говорил, что предпочитает современный японский минимализм... Халат Клара тайком взяла с собой в Ленинград, подумав, что, может быть, все таки наденет его как-нибудь утром в номере «Европы», знаменитой своим аристократическим прошлым. Но так ни разу и не надела – ходила в белой футболке, на которой было написано «I love Sweden».

Сегодня утром она вытащила коробку с халатом из чемодана. Приложила к себе, скептически посмотрела на этикетку. Вдохнула и подумала, что единственное, что с ним можно сделать, – это подарить его горничной.

– Please, it is for you. A present!

– Сенкью, – смущенно ответила Таня и, вытесняя желание немедленно заглянуть внутрь синего полиэтиленового пакета с изображением дамы в красной шляпе, положила пакет на трельяж и продолжила:

– Кам ту зе ливингрум, плиз...

– It is very nice here! – воскликнул Арне.

Клара огляделась по сторонам: «Наверное, это называется современный советский минимализм. Довольно скучный...» Невысокий шкаф с книжками, такой же шкаф с посудой. Картинка на стене – рельефное изображение городского пейзажа, вычеканенное на медной пластине. Круглый стол, покрытый белой скатертью с тарелками, на которых зачем-то разложены соленые огурцы, которые Клара терпеть не могла. Вилки, правда, красивые, наверное, остались у них со старых времен. Впрочем, очень опрятно и как-то свежо. А над прозрачным до слезы окном летает белая тюлевая занавеска. Клара вспомнила о предстоящей свадьбе и о том, что завтра она пойдет покупать себе материал на платье. В душе у нее что-то сжалось, она посмотрела на отца. Тот в полном восторге рассматривал комнату, продолжая восторгаться тем, как «всё мило и симпатично!...»

– Я приготовила вам скромное русское угощение! – произнесла Таня по-русски. Потом спохватилась и повторила то же по-английски. Утром она даже проверила транскрипцию этой фразы по словарю.

«Господи, неужели отец собирается здесь есть?» – ужаснулась Клара.

Выглянув на балкон, она заметила ведро с чем-то сомнительным, прикрытое серовой медицинской тканью и придавленное сверху огромным булыжником.

– Я приготовила кольца из лука. Онионс рингс. Это блюдо описано у Достоевского. А на десерт будут блины ala Шаляпин, – с ноткой торжественности сообщила Таня и вышла в соседнюю комнату.

Отец подошел к книжному шкафу и, шевеля губами, начал читать русские названия. Сквозь приоткрытую дверь Клара увидела, как Таня вытаскивает из-под подушки завернутую в белую тряпку кастрюлю. «О, господи! Кольца из этого отвратительного лука да еще в кровати!» – с содроганием подумала про себя Клара. Потом посмотрела на Таню, на ее розовые – от волнения и приветливости – щеки и лучистые зеленые глаза. И непонятно отчего, Кларе вдруг стало немного стыдно.

Они сели за стол. Предложив Арне разлить водку, Таня разложила по тарелкам золотистые, посыпанные мелко-мелко нарезанным укропом колечки. «А выглядит эта пища Раскольникова вполне ничего», – признала Клара и героически проглотила самое маленькое луковое кольцо. С удивлением обнаружила, что на вкус оно было вовсе не таким противным, как предполагалось, – и с недоверием подцепила вилкой еще одно.

Таня подняла рюмку и сказала: «Велкам ту ауэ хауз. Ай эм глэд ту си ю хиа!» Арне выпил водку залпом. Таня отпила чуть-чуть и сильно поморщилась. Клара тоже немножко хлебнула, но гримасу сдержала. Вообще-то в ее положении нужно воздерживаться от алкоголя. Но, во-первых, глупо быть в России и не попробовать русскую водку, которую все так хвалят. А во-вторых, водка – это что-то вроде дезинфекции. Так, на всякий случай...

После четвертого кольца Клара отважилась попробовать огурец. Вкус у него был абсолютно не шведский, в нем совсем не было сладости, и он как-то по-особенному хрустел. Клара взяла еще. Отец вообще уплетал угощение с большим аппетитом. «Попробуй хлеб! – сказал он Кларе, – мне кажется, я за всю жизнь вкуснее хлеба не ел!»

Арне не заметил, как выпил всю водку. Девушки от второй дружно отказались, так что он доливал только себе. Таня свою порцию кое-как осилила, Клара же рюмку не допила, но Арне добру пропасть не позволил – обнаружив, что в бутылочке больше нет ни капли, решительным жестом опрокинул и рюмку дочери. Клара подумала, что раньше отец никогда так не поступал...

Блины оказались нежными, пышными, воздушными, и Клара, кстати, уже совершенно спокойно отнеслась к тому, что их тоже вытащили из-под подушки.

Отец просто сиял от удовольствия. Клара тоже почувствовала вдруг необычное легкое тепло. Они разговаривали на странном смешении языков. Все фразы, которые Таня вчера перед сном сверила со словарем, были уже произнесены. И устав говорить на неродном языке, они отказались от английского. Таня по-русски рассказывала им о школьном театре, Клара по-шведски – о предстоящей свадьбе, а Арне – о том, что его четвероюродный дедушка по матери был женат на русской аристократке, которую звали Антонина... И всем казалось, что они отлично понимают друг друга.

Обнаружив, что блины заканчиваются, Таня вдруг загрустила, рассердившись на себя из-за того, что приготовила так мало. Заметив смену ее настроения, Арне и Клара попытались осторожно выяснить, чем это вызвано, снова вернувшись к английскому.

– Ноу-ноу, эврисинг из окей, – махнула рукой Таня. Со стороны прихожей на этих словах донеслись какие-то странные звуки – царапанье, скрежет. Таня вздохнула и нахмурила брови, мгновенно изменившись в лице. Потом раздались неровные шаги.

Отец растерянно посмотрел на Клару. Клара испугалась. Остро и быстро. Где-то глубоко в душе ее и раньше покалывала крохотная булавка подозрительности. Ну разве не странно – она, Клара Стьернлёв, сидит в квартире у какой-то горничной, получает искреннее удовольствие от жареного репчатого лука и общения, которое Мартин насмешливо назвал

бы невербальным?.. Теперь же подозрение превратилось в страх: а вдруг им подсыпали в эту странную еду какое-нибудь наркотическое вещество? И они прекратили оценивать действительность адекватно? Сейчас этим воспользуется могущественный КГБ, и их посадят в тюрьму. Как Валленберга...

На пороге комнаты возник грустный мужчина лет сорока. Посмотрел на них и медленно произнес:

– Ну здравствуйте, товарищи капиталисты!

«Ну вот», – напряглась Клара.

– Это мой отец. Его зовут Евгений Павлович, – сказала Таня на английском и почему-то посмотрела виновато.

Евгений Павлович подошел к шкафу, открыл нижнюю дверцу и вытащил оттуда носатый фотоаппарат в кожаном чехле.

– Татьяна, скажи им, что я вас сфотографирую, а потом ты им фото пришлешь на память. Пусть адрес оставят.

«Сэнд фото, ю адрес», – чуть дрожащим голосом произнесла Таня. Они втроем так и сидели за столом, не решаясь пошевелиться. Клара злилась на себя из-за своих недавних опасений, и в особенности – из-за того, что приплела сюда Валленберга. Таня смущенно опустила глаза вниз. Арне смотрел широко раскрытым взглядом, ставшим от выпитого очень доверчивым.

Евгений Павлович присматривался к ним минуты две-три. Потом бодро пощелкал фотоаппаратом, произнес: «Ну вот и все, товарищи капиталисты! Аривидерчи!» – и вышел в другую комнату. И пока дверь, закрывавшая его от гостей, описывала плавную, с тихим жалобным скрипом дугу, Клара успела увидеть, как он тяжело упал на подушки, под которыми совсем недавно лежали луковые кольца а-ля Достоевский и блины по-шалапински...

– Ну, дорогая девочка, – одновременно торжественно и растроганно начал по-английски Арне, – спасибо тебе за все. Мы тебе действительно очень признательны. И я, и моя дочь. Ты очень хороший человек. И мы очень хотим, чтобы ты была счастлива...

Таня смущенно улыбнулась.

– Нам пора, – продолжила Клара, – Спасибо тебе еще раз. А завтра мы бы хотели пригласить тебя на ужин в ресторан гостиницы.

Таня узнала и «ужин», и «ресторан», и «гостиницу», но посмотрела растеряно, потому что не была уверена, что ее действительно куда-то приглашают.

– Ми приглашать тебя на ужин. Савтра. Восем час. Хотель. – Прочитав ее сомнения, повторил по-русски Арне.

Прямо перед уходом иностранные гости поцеловали Таню в щеку, и ей захотелось заплакать.

Слезы, впрочем, в мгновение ока высушило любопытство – закрыв дверь, Танин взгляд упал на яркий пакет с Клариним подарком.

В пакете лежало чудо. Розовое, с тончайшими кружевами, перламутровыми пуговичками и широким поясом, а от талии – складки, мягкие, струящиеся, в точности, как у мраморных богинь из Эрмитажа. Дрожащими руками Таня надела чудо. Застегнула пуговицы, повязала пояс. Распустила свои косички, провела щеткой по волосам. Развернула две узкие боковые створки зеркала так, чтобы видеть себя со всех сторон. Минут пять смотрела на себя – и только потом от души расплакалась...

* * *

Третьего мая Арне с самого утра отбыл на свою конференцию. Клара, которая вообще любила вставать ни свет ни заря, проснулась неожиданно поздно. Ощущения после вчерашнего вечера были сложными, внутри что-то царапалось. Почему-то было неловко – словно она сделала что-то не так. А еще она жалела эту русскую девчонку – ведь матери у той нет, живет с отцом, который, судя по всему, выпивает. И при этом такая симпатичная, улыбчивая! Позвала домой совсем незнакомых людей, еду им приготовила... Клара вспомнила, как месяца три тому назад к Мартину на работу приезжали французы. Их возраста и положения. Они сходили вместе в ресторан, поговорили на отвлеченные темы: о погоде, о бирже. Потом спокойно разошлись. Следующим утром Клара записала фамилии французов на последнюю страничку своего ежедневника, где она составляла список тех, кому нужно будет отправить рождественскую открытку, – и благополучно забыла о новых знакомых.

А вчера она по собственной инициативе пыталась рассказывать русской девчонке – которая к тому же младше ее лет на десять! – о том, как Мартин делал ей предложение! И как долго ей пришлось этого предложения ждать...

Приняв душ и одевшись, Клара спустилась в ресторан, заказала кофе и булочку со взбитыми сливками. Вспомнила чай и блины из-под подушки. Они были гораздо вкуснее, чем сегодняшний завтрак.

«На свадьбу ее, что ли, пригласить?» – подумала шведка. – «Впрочем, неизвестно, как на это может отреагировать Мартин... И потом ее могут не выпустить! Здесь же какие-то совершенно идиотские порядки...»

В половине двенадцатого появилась их гид Маргарита. Накануне она пообещала сходить с Кларой за тканью, чтобы, в случае чего, помочь ей объясниться с продавцом. Магазин располагался примерно в квартале от гостиницы, они неторопливо шли по Невскому проспекту.

– Вообще-то не хочу вас заранее разочаровывать, – заявила Маргарита, – но идея покупать что-либо из вещей в нашей стране на самом деле не очень удачна. Качество наших товаров оставляет желать лучшего.

Кларе очень захотелось вернуть Маргарите хоть какую-нибудь из тех цифр – «свидетельствующих о достижениях народного хозяйства», которыми гидесса бомбила их во время экскурсии по городу. Но Клара, разумеется, не запомнила ни одного «показателя» и поэтому промолчала.

Магазин оказался неоправданно огромным, а выбор тканей действительно был невелик. Материал висел полосами на стенах, в центре зала было пусто и хотелось сыграть в футбол. Клара выглядела разочарованной.

– Я же говорила! – воскликнула Маргарита с легким злорадством, – здесь только отечественное! А все, что касается одежды, ценится у нас только в том случае, если оно импортное!

Покупателей было не много. Клара заметила, что на них с любопытством смотрят. Оставив Маргариту у витрины с постельным бельем, она медленно направилась вдоль стен. Узнала белую тюлевую занавеску и верхнюю, коричневую с разводами штору из Таниной квартиры. Что-то похожее на Танино бежевое в цветочках платье, которое выглядывало из-под ее рабочего халата. А еще в магазине было множество однотонных тканей серого, коричневого и грязно-синего цветов. Наверное, из них шились всевозможные униформы.

Где-то в углу Клара остановилась. И увидела свою ткань – белую, довольно плотную, шелковую с едва уловимым рисунком в виде волнистых линий. Очень приятную на ощупь. Помяла материал в руках, он немного сморщился, но быстро разгладился.

– Попросите, пожалуйста, вытащить эту ткань, чтобы я могла приложить ее к себе, – обратилась она к подошедшей Маргарите.

Чуть в стороне, за столом с кассовым аппаратом, сидели две девушки и разгадывали кроссворд. Маргарита что-то сказала им по-русски. Одна из девиц встала и нехотя скрылась за дверью, которая, видимо, вела на склад. Не скоро вернулась с тяжелой штукой материи в руках. Резко бросила ее на стол и, не обращая на клиентов никакого внимания, снова вернулась к кроссворду. Маргарита демонстративно вздохнула. Клара попыталась развернуть материю, но кусок был тяжелым и поддавался плохо.

– Скажите, а нельзя попросить их снять отрез со стены? Там как раз будет метра два! Я хочу приложить и посмотреть, к лицу мне этот оттенок или нет? – спросила Клара.

– Попросить, конечно, можно... – ответила Маргарита скептически и посмотрела выразительно. Смысл взгляда Клара поняла не до конца – она сообразила, что Маргарита намекает, будто бы продавщицам наплевать, продадут они ткань или нет, но верилось ей в это слабо. Ведь при таком небольшом количестве посетителей они должны хвататься за каждого – иначе магазин обанкротится, и они потеряют работу! Нет, наверное, своим равнодушием они попросту пытаются продемонстрировать презрение к капитализму! У советских же, как они сами говорят, «собственная гордость».

«Как глупо!» – подумала Клара, а вслух спросила у Маргариты:

– Сколько это стоит?

– Восемнадцать рублей семьдесят копеек за метр, – прозвучало у них за спиной на хорошем английском.

Из служебного помещения вышла эффектная женщина лет тридцати. С тщательно уложенными волосами, в костюме бирюзового цвета. В ушах у нее висели длинные изящные серьги, косметика была безупречной.

– Вам нравится эта ткань? – спросила она у Клары.

– Да, я подумываю, не сшить ли мне из нее подвенечное платье.

– Неплохая идея! – ответила дама. Ее интонация на мгновение покачнулась. И посмотрела она на Клару при этом как-то загадочно.

Девушки-продавщицы между тем тайком спрятали свой и дружно принялись разворачивать материал. Освободили несколько метров, Клара набросила ткань на себя, отступила в сторону и посмотрела в зеркало. Ей понравилось то, что она увидела.

– По-моему, замечательно! – произнесла дама. И, помолчав, добавила: – Желаю вам счастья в семейной жизни! – после чего снова скрылась за служебной дверью.

Клара купила десять метров – чтобы точно хватило, и на шлейф, и на пышную юбку...

Арне вернулся с конференции в отличном расположении духа. Доклад прошел хорошо. Другие выступления тоже были ему интересны. Он вообще считал, что советская наука развивается даже быстрее, чем шведская. Просто у них здесь имеются некие сложности с тем, чтобы претворять научные разработки в жизнь. После конференции был устроен небольшой банкет, но Арне специально не особенно на нем расслаблялся, помня о том, что они пригласили на ужин свою новую знакомую.

– Какая милая девочка, эта маленькая Таня, правда? Если бы у них было проще с выездом, можно было бы пригласить ее к нам этим летом, – произнес Арне.

– Я почему-то тоже сегодня об этом подумала, – отозвалась Клара.

Время подходило к восьми. Они, как и договаривались, вышли на улицу, чтобы встретить гостей. Подождали минут пятнадцать. Начали волноваться. Вспомнили, что не взяли у

Тани телефон, а завтра утром они уже уезжают. Неужели она не придет, и они ее больше не увидят? Постояв у входа еще минут пять, Арне собрался было пойти в гостиницу и попытаться узнать номер телефона Тани у других горничных, как тут они заметили приближающееся к ним со стороны Невского ярко-розовое облачко...

В новых австрийских туфлях с бантами и в этом чудесном платье Таня шла на роскошный ужин, испытывая звенящее, сказочное счастье...

Надо отдать должное обедневшим шведским аристократам. Они просидели с Таней в ресторане целый вечер. Ели, шутили, смеялись. Им было хорошо вместе. И их абсолютно не заботило то, как это выглядело со стороны...

* * *

Через два месяца состоялась Кларина свадьба. Невеста было необыкновенно хороша в платье с длинным, ловко скользящим шлейфом и загадочно шелестящей юбкой.

Материал, из которого оно было сшито, в Китае использовали для погребальных сава-нов. Нелли Геннадьевна, директор магазина «Ткани», как-то ездила в Китай по профсоюзной путевке и случайно обнаружила там эту почти ничего не стоящую ткань. Сделка, которую они провернули с китайцами вместе с начальником ленинградского отделения Внешторга – с ним ее, кстати, связывали не только производственные отношения – сделка принесла им обоим весьма солидную выгоду...

* * *

Платье, впрочем, не помешало Кларе стать счастливой. Счастье ее – ровное, дисциплинированное, шведское. Мартин сделал хорошую карьеру. У них четверо детей, трое из которых уже оперились и уехали от родителей, а младшая дочь учится в гимназии. Живет семейство в добротном доме под Стокгольмом, в качестве дачи куплена бывшая рыбацкая хижина, когда-то принадлежавшая родовому имению Стьерлёв. Каждый год в июле они отдыхают в Испании. На одном и том же курорте.

После ужина с иностранцами в ресторане «Европы» Таню вызвали на комсомольское собрание. Туда же добровольно пришли все вышедшие из соответствующего возраста горничные – чтобы выразить единодушное осуждение и возмутиться поведением советской комсомолки.

После собрания Таня проплакала целую ночь. А наутро пришла к начальству с заявлением об увольнении по собственному желанию. Удерживать ее никто не стал.

Соседка тетя Вера вскоре устроила ее ученицей комплектовщика на свой военный завод. При заводе был самодеятельный театр, и уже через год Таня играла в нем две главные роли. Однажды на их спектакль пришли шефы из Театра сатиры. Одна пожилая актриса обратила на Таню внимание, немного с ней позанималась и помогла поступить на актерский факультет Института театра, музыки и кино – на курс к своему бывшему однокашнику и поклоннику. Еще через год Таня вышла замуж за студента режиссерского факультета из Татарской республики. Брак продержался недолго, но у них родилась необыкновенно красивая девочка, которую называли Майей. После института Таню распределили в Театр сатиры. Ей здесь понравилось, и она ни разу – даже в самое последнее смутное время – не задумывалась о том, что можно сменить место работы.

Майя выросла за кулисами и тоже поступила в театральный. На третьем курсе снялась в фильме у молодого многообещающего режиссера, стала знаменитой, вышла за этого

режиссера замуж и родила дочь. Таня доигрывает свои старые роли, делает это с прежней искренностью, но новых ролей не ждет – стараясь каждую свободную минуту проводить с внучкой.

Бывшая директриса магазина «Ткани» живет в каменном особняке за городом и содержит двух молодых любовников – капризную модель мужского рода и резинового культуриста, официально числящегося у нее охранником...

Альдебаран

В молодости у Ксаны Андреевны был неплохой аппетит на мужские сердца. Без зазрения совести она назначала на один и тот же час несколько свиданий у разных памятников, предлагая бывшему однокласснику Маяковского, однокурснику – Римского-Корсакова, а случайному знакомому – Владимира Ильича в кепке. Потом забывала, кого где разместила, и с обязательным опозданием появлялась у того пьедестала, до которого можно было быстрее доехать...

Тридцать лет назад на пятом курсе пединститута она для пробы вышла замуж и родила дочь, после чего произошел какой-то сбой в программе – материнство не позволило ей стать настоящей женщиной-вамп. Нет, это вовсе не означает, что с рождением Полины Ксана Андреевна превратилась в наседку-непоседу – просто любовь к дочери яркой лампочкой осветила почти всю поляну ее души, оставив лишь узенькое закулисье загадочного сумрака у самой кромки подсознательного леса. Мужчинам по-прежнему нравилась эта эффектная женщина, но вот стреляться и вешаться они из-за нее не хотели. Мужчины вообще стреляются и вешаются в исключительных случаях, и для этого необходима совершенно особенная женщина – эдакая таинственнейшая вещь, которая вся в себе и только в себе, а не в тройке по математике, учебнике по сольфеджио, коньках для фигурного катания или, извините, насморке.

Впрочем, несмотря на недостаточность демонических качеств, замуж Ксана Андреевна сходила три раза – и этим можно было гордиться. Правда все три мужа от нее бежали, но об этом можно было умолчать. И в утешение раскрыть ту страницу памяти, на которой Ксана Андреевна вела убористую записку собственной привлекательности – вздохи соседа, взгляды сослуживца, неожиданный звонок от бывшего мужа подруги, букет от отца вполне благополучного ученика и множество других подробностей, которыми Ксана Андреевна потихонечку прикармливала чувство собственного достоинства. Кстати, романов со всеми этими мужьями, отцами и соседями она не заводила никогда, и, может быть, поэтому бутон ее дарования «вамп» так и не превратился в нескромную пурпурную розу, и ни разу в ее жизни не случилось ничего такого, где она *металась бы по комнате, падали стулья, с диким сверканьем распахивался зеркальный шкаф, а тот, кто преследовал ее... чей разум мутился от страсти, стрелял бы в зеркало навывлет... Шесть выстрелов. Осколки. Тишина...*

В прошлом году Ксана Андреевна добралась до границы, у которой ее встретила одетая в уютный халат фигура, представившаяся «пенсией». Вообще-то Ксана Андреевна считала, что жизнь поставила ей эти две пятерки по возрасту незаслуженно рано, но оспаривать правила не стала и уступила коллеге-приятельнице кабинет директора районной музыкальной школы, вечно окруженный звуками куда-то карабкающейся фортепианной гаммы, жалобами флегмы-флейты и пчелиным гулом настраивающихся скрипок. Чтобы совсем не заскучать, она оставила за собой уроки музыкальной литературы в начальных классах, проводившиеся один раз в неделю, на которых местные мальчишки, осваивавшие в школе гитару, обязательно хихикали над фамилией Люлли и именем Модест.

Оставив работу, Ксана Андреевна обнаружила, что у нее появилась масса свободного времени, и чтобы чем-то его заполнить, пристрастилась к книжкам по астрологии, нумерологии, хиромантии и мистике. Так что по пятницам и тринадцатым числам, по вечерам, освещенным полной луной и в условиях возмущенной электромагнитной обстановки она чувствовала себя обязанной немножко осатанеть. В этом настроении ей казалось, что жизнь ее – это не крепкое здание, а домик-вечный-недострой – покосившиеся окна, выпрыгивающая

из проема дверь, всюду груды кирпичей и острые стопки грязного стекла. Если все установить на законное место и вывезти мусор, получится очень даже симпатичное строение, но с прорабами отношения как-то не складываются, да и сил все меньше и меньше... Рядом, кстати, растет роскошный сад, называется «Полина». Но в саду строят что-то совсем новое, современное, и, кажется, собираются возвести забор, оставив лишь маленькую калитку с ябедой-колокольчиком.

Прочитав как-то очередную книжку – на этот раз о том, как на судьбу человека влияет его имя – Ксана Андреевна решила, что во всем виновата буква «О» в ее официальном имени Оксана. Особенно ее разозлило, что эта «О» волочилась за ней повсюду, кочевала из одного ее паспорта в другой, от фамилии к фамилии, сохраняя все нажимы военно-писарского рондо и эту дурацкую вычурную буклю где-то надо лбом буквы, которой «О» цеплялась к настоящему имени – в результате чего жизнь Ксаны Андреевны и теряла ту самую заглавность. А вот фамилиям своим она не придавала никакого значения...

Ей повезло с внешностью – и не потому, что в молодости она считалась красавицей. Существует масса примеров, когда бывшие несомненные примы уже в сорок лет линяют до неузнаваемости. Привлекательность же Ксаны Андреевны оказалась отлично консервируемой. На открытом лице с некрупными правильными чертами неизбежные морщинки были почти незаметны, зубы добрались до пенсии ровным белым строем, так что никакие *глубокие тайны* никогда не мешали Ксане Андреевне смеяться. В последние годы стриглась она коротко, на манер комсомолок-энтузиасток: ровная густая челка прикрывала лоб, а острые боковые пряди – щеки. Получалось молодо и стильно. Стройность ей удавалось сохранять без особых усилий. В общем, не замученный жизнью свободный мужчина соответствующего возраста обязательно обратил бы на Ксану Андреевну наипристальнейшее внимание, но ведь всем известно, как трудно такого мужчину найти...

Дочь Полину Ксана Андреевна стремилась вырастить – как говорили раньше – все-сторонне развитым человеком. Результат воспитания вызывал восхищение – Полина была серьезной бизнес-вумен в костюме обманчивой скромности и дорогих очках. За свои неполные тридцать она успела сделать успешную карьеру юриста-аудитора, работала с финансовыми потоками в фирме макроэкономического масштаба и была замужем за коллегой Стасом, носившим похожие костюмы и очки. И производили бы они экзemplарно-глянцевое впечатление людей благополучных, но скучных – если бы не шестилетняя Анечка, которую самые отпетые вожди краснокожих, не задумываясь, выбрали бы своим старейшиной. Шумная внучка запросто могла бы заполнить жизнь Ксаны Андреевны без остатка, но эти «новые» дети занимали для девочки каких-то специальных нянек и совсем не злоупотребляли бабушкой.

В день рождения, выпавшем на первый пенсионный август, Полина подарила матери тур на недельный отдых в Италии. Ксана Андреевна очень разволновалась. Много лет назад она ездила по профсоюзной путевке в Болгарию и еще один раз в ГДР со школьным оркестром на трехдневный слет детских музыкальных коллективов. Она помнила свои ощущения от пребывания за границей – все там вызывало живейшее любопытство, но постоянная неуверенность в собственных действиях и шаткость собственного шага как-то портили удовольствие. Это было как в детективном кино – с одной стороны, захватывающе и интересно, а с другой – страшно и в глубине души хочется, чтобы фильм поскорее закончился. А еще ей не нравилось, что по возвращении стены ее родного дома, содержавшегося в любовном порядке, какое-то время казались немного блеклыми. Правда показывать подругам покупки было очень приятно...

Впрочем, это было давно, в другом царстве, в другой жизни, и с тех пор многое изменилось. Полинка с мужем побывали за границей уже много раз. Прошлым летом они даже

Анечку брали с собой в Испанию, девочка потом еще пришла на традиционный воскресный обед к бабушке и потребовала себе паэлью...

Первым делом Ксана Андреевна купила англо-русский разговорник и начала усиленно заучивать слова, вытесняя из головы зубрежкой какие-то щекотные противоречия. С одной стороны, замечательно хотя бы раз в жизни пожить в гостинице-люкс! А с другой, что же тут хорошего, если ты ничего никому не можешь сказать. А если и скажешь, тщательно следя за произношением, что-нибудь простенькое, вроде «где у вас тут можно выпить чаю», а тебя все равно не поймут! И в душе твоей после этого сначала виолончелью зазвучит личная обида, а потом виолончельный же смычок извлечет из согнутой долларом музыкальной пилы завышающий звук сочувствия родным кавказцам и чукчам... С пляжем опять же – песок золотой, вода изумрудная – это прекрасно! Но если, кроме тебя, на золотом песке сидят одни бронзовые девицы, совершенно равнодушные к собственной голой груди, а обхаживающие девиц мускулистые парни спотыкаются о тебя, как о корягу, – тогда удовольствие от отдыха у моря существенно урезается!..

И потом, самое главное – а что надевать?

Ксана Андреевна осторожно попыталась поделиться всеми этими сомнениями с Полиной, но та только рукой махнула:

– Мама, я тебя умоляю! Там такие же люди, как и здесь: и молодые, и старые, и толстые, и худые! И до тебя им не будет абсолютно никакого дела! Так что, пожалуйста, не придумывай себе проблем. Ты едешь отдыхать!

Ксана Андреевна немного успокоилась, но в глубине души почувствовала, что больше всего ей все-таки хочется уже вернуться. Сидеть дома молодой, загорелой, красивой. Пить с подружками итальянское вино, которое она привезет с собой, и вручать им маленькие сувениры...

Оставшиеся до отъезда две недели Ксана Андреевна провела в приготовлениях курортного гардероба. У знакомой модистки заказала брючный костюм из легкого узбекского шелка, бирюзовый в зеленоватых разводах, черный в яркий мелкий цветочек крепдешиновый сарафан и платье в экологическом стиле. Платье было *белое, хлопчатобумажное. Как блестящие на нем костяные пуговицы!* Ей казалось, *оно пахнет левкоями* далекой Италии, и этот аромат развеивал все ее опасения и возвращал ощущение дерзкой молодости... Да, и шляпки! У приветливой женщины – «Не на рынке, Полинка, а на ярмарке!» – Ксана Андреевна купила три соломенные шляпки: одну оттенка нежной зелени, маленькую кругленькую, с полями руликом, вторую натурального соломенного цвета с большими, прикрывающими плечи полями, и третью – черную, блестящую со средней величины прямыми полями и тульей, перевязанной цветастым цыганским платком. Анечка пришла от шляп в такой восторг, что, для того, чтобы отобрать их у внучки, Ксане Андреевне пришлось срочно бежать в магазин за беременной Барби. Полина просто улыбнулась. Ксана Андреевна уловила в ее улыбке ментоловую дымку иронии, но значения этому не придавала...

* * *

В самолете все тревоги как-то сами собой вдруг взяли и испарились. Сидевшая в соседних креслах публика была вполне узнаваемой: пожилая пара, вряд ли говорившая на каком-нибудь другом языке, кроме русского, три-четыре скучных ответственных лица, несколько мамаш с детьми, но в основном шумная молодежь двадцати – тридцати лет. Ксана Андреевна подумала, что Полинка обязательно выделилась бы в общей массе молодых красотой, серьезностью и некоей эксклюзивностью – даже если бы на ней были какие-нибудь джинсы. От этой мысли Ксана Андреевна почувствовала себя увереннее. Она посмотрела в маленькое зеркало, опустила глаза, оглядывая собственный наряд – и в целом осталась вполне

довольна инспекцией. Перед отъездом она несколько раз сходила в солярий, чтобы не выглядеть на пляже неприлично бледной. Одета была по-дорожному, но элегантно: удобные кожаные туфли в дырочку, темно-синяя льняная юбка, длинная, почти до пят, белая шелковая футболка, белый хлопковый свитер – Полинкин – небрежно наброшен на плечи. Да, добавим еще джинсовую панаму, к маленьким полям которой Ксана Андреевна приколотла значок, изображавший шпиль Петропавловки, – и получим весьма привлекательную женщину с по-европейски зашлифованным возрастом.

Сидевшая рядом пожилая пара о чем-то у нее спросила, пытаясь завязать общедорожный разговор. Ксана Андреевна ответила приветливо, но дала понять, что в развитии знакомства не очень заинтересована – вытащила из аккуратной дорожной сумки, которую она почему-то не сдала в багаж, томик Барбары Картланд и углубилась в чтение.

Яркие южные краски заявили о себе уже на посадочной полосе – за кромкой серого асфальта стремглав бежали пронзительно розовые, синие и желтые цветы. Рожденный их самолетом солнечный и поэтому видимый ветер старательно причесывал клумбы.

Прямо у входа в здание аэропорта Ксана Андреевна вздрогнула от собственной фамилии, выписанной мелом на красивой табличке, которую держал в руках пожилой итальянец с густопсовыми усами.

– It's me! – бодро произнесла Ксана Андреевна и, помахав рукой попутчикам, уселась на заднее сиденье большой блестящей машины.

Описывая матери гостиницу, Полина называла ее «хорошей» – она просто редко употребляла слова, вроде «роскошный» или «шикарный». В голове же у Ксаны Андреевны суеливой каруселькой вертелись именно эти буржуазные прилагательные. Прохладный мраморный холл и тропической сочности зелень в росе кондиционера, а за прозрачной, нисходящей в невидимость стеклянной стеной – бесконечное море и марево горячего воздуха. Приветливый персонал, и никаких неудобств с языком – едва усатый шофер распахнул перед Ксаной Андреевной дверь гостиницы, как к ним тут же подошла молодая девушка, на чистом русском языке представилась Мариной и сообщила, что в ее обязанности входит перевод и любая другая помощь, которая может понадобиться Ксане Андреевне во время отпуска. Быстро проделав все формальности, связанные с регистрацией, и показав, где сервируется завтрак, а где обед и ужин, она провела Ксану Андреевну в номер, поднявшись с ней в лифте на четырнадцатый этаж.

Здесь отдыхающую сначала порадовала ее собственная, где-то легкомысленно позабытая сумка. Потом Ксана Андреевна осмотрелась по сторонам и пришла от обстановки в полный восторг. В комнате было свежо и как-то неправдоподобно чисто. Отделка была более скромной, чем внизу, но стильной – белые стены, на них несколько морских пейзажей в деревянных рамках, плетеная мебель: два комода, шифоньер и кресла с совратительно пышными подушками, а еще огромная кровать, застеленная бельем в синей гамме: темно-синяя простынь, более светлое одеяло и десяток подушек разных размеров и разных оттенков синего. Во всю стену окно с видом на спокойное перламутровое море. А мраморный пол в ванной и голубой халат из махры самой нежной субстанции произвели на Ксану Андреевну настолько сильное впечатление, что она даже решила не спешить на пляж. Неторопливо распаковала вещи. Обнаружила в шкафу утюжок и притулившуюся к дверце гладильную доску, и основательно подготовилась для будущих променадов, развесив свои наряды на украшенных цветными ленточками плечиках и разложив их по надушенным шкафчикам.

На полке в ванной увидела вазочку синего стекла, а в ней несколько белых шариков величиной с мяч для пинг-понга. «Bath ballistic» – прочитала Ксана Андреевна на этикетке большие латинские буквы и маленькие, расползающиеся, написанные от руки русские:

«Бомба для ванной». Решив испытать оружие, Ксана Андреевна налила в скользкую ванну голубоватой воды и бросила туда две «бомбы», которые тут же взорвались роскошной белоснежной пеной и ароматом конфет «Рафаэлло», которые так любит Анечка...

Невесомая пена садилась на ресницы, закрывала глаза и в уши нашептывала внучкины сказки про старух, нырявших в кипящие котлы и превращавшихся в молодых красавиц, после чего у них начиналась совсем другая жизнь... Нет, Ксана Андреевна не примеривалась к переменам! Она была женщиной трезвой и сказки дочитывала до конца, даже если Анечка теряла к ним интерес, и ей было доподлинно известно, что чудеса случаются исключительно с молодыми, а все переплавленные красавицы рано или поздно снова становятся старухами, а раз так – то стоит ли обольщаться? Она и не обольщалась – просто какая-то пружинка у нее в душе начала легонько так подрагивать, и, чтобы как-то унять эту дрожь, Ксана Андреевна после ванны расположилась среди синих подушек с романом Барбары Картланд и вскоре почувствовала себя дальней родственницей главной героини. Героиня была молодая, красивая, ее бурная личная жизнь разворачивалась в интерьерах дорогих отелей, на фоне зыбких золотых дюн, под театрально-бархатными небесами и упругими парусами океанских яхт. Пожилая «родственница» же наблюдала за страстями как бы со стороны, но находилась рядом. «Эту роль я могу играть с совершенно спокойной совестью, – решила Ксана Андреевна, – и мне вовсе не обязательно чувствовать себя при этом полной дурой...»

Вечером в огромное окно номера с цыганской бесцеремонностью постучались южанки-звезды. Они выманивали на улицу, обещая большую молочно-белую луну. Подумав, что перед сном, пожалуй, действительно стоит пройтись, Ксана Андреевна надела полотняное платье, черную блестящую шляпку с ярким платком на тулье и спустилась вниз.

Заморский юг был сладким, сочным, сливочным, шоколадным, фруктовым, марципановым – как большой праздничный торт, к которому страшно подступиться. Всюду были люди, они ели, пили, гуляли и громко разговаривали. Проходивший мимо негр что-то сказал Ксане Андреевне и, не дожидаясь ответа, пошел себе дальше, а она вдруг растерялась и начала судорожно искать какое-нибудь зеркало, умоляя его подтвердить, что она выглядит достойно и вообще здесь не чужая...

«А вот Полинка всегда и везде чувствует себя уверенно», – подумала Ксана Андреевна, но утешиться этой мыслью не успела – наоборот, вспомнила мятную улыбку дочери, которой та отреагировала на ее новые шляпки. Еще больше разволновавшись, Ксана Андреевна стала нервно рассматривать публику, пытаясь определить, носят ли женщины здесь что-нибудь похожее. Оказалось, что носят. Хотя и не все поголовно...

Ксане Андреевне вдруг остро захотелось увидеть дочь. К этому желанию прибавилось неожиданное чувство вины. Ну зачем девочка потратила такие большие деньги? Ведь гостиница очень дорогая, и вообще здесь за каждый шаг нужно платить по доллару! Полина со Стасом, конечно, хорошо зарабатывают и значения деньгам как-то не придают, но все равно! Ей вполне хватило бы и родного Сочи! Ксана Андреевна вспомнила неопрятную, но такую родную сочинскую набережную – лотки с рыхлыми пирожками и чурчхелой, очень вкусной, но произведенной в явной антисанитарии... энергичную чайку, терзающую на берегу серебряную рыбную мелочь, и рыжую дворнягу, отбирающую у птицы честно добытый ужин... А еще держащего тир карлика и какого-нибудь инженера из Сыктывкара, громогласного не хуже здешних, но которого – от здешних в отличие – запросто можно строго осадить...

Ксане Андреевне становилось неуютнее и неуютнее. Чувство вины расплывалось, собираясь превратиться в ощущение одиночества посреди всего этого яркого, но совершенно чужого мира, – и от этого в душе у нее уже конденсировалась маленькая слеза-роса, как вдруг она услышала за своей спиной:

– Синьора из России?

«Синьора» впала в полную панику. «Синьора» даже остановилась. И увидела поравнявшегося с ней высокого мужчину, черноволосого, с сильной проседью – то, что раньше называлось «соль с перцем». На вид ему было около шестидесяти, но жгуче-черные глаза блестели так, словно лет тридцать им удалось преодолеть экспрессом. Душа у Ксаны Андреевны испуганно закудаhtала.

– Синьора приехала из России, – повторил незнакомец.

По-русски он говорил уверенно, но язык этот явно не был ему родным, интонация плавала и было непонятно, спрашивает он или утверждает.

Ксана Андреевна никак не могла сообразить, что же ей ответить, но на всякий случай кое-как отреагировала – недоуменно пожала плечами. В молодости она так поступала, если хотела показать, что обращенное на нее внимание явно хуже того качества, которое она заслуживает. Незнакомец широко улыбнулся. Ксана Андреевна испугалась еще больше – а вдруг он истолкует ее жест так, словно она сама не знает, откуда приехала!

«Ну и путь себе толкует!» – решила она уже в следующую секунду. – «Пусть думает, что я гражданка мира!» – Все эти мысли пробежали у нее в голове спринтерскую, а к слову «гражданка» немедленно приклеилась закрытая на ремонт станция метро «Гражданский проспект», где живет ее приятельница Юля, и куда теперь так трудно добираться... Потом появилось новое опасение: «А вдруг это плейбой, который кормится тем, что приглашает одиноких аристократок в дорогие рестораны и удирает, не заплатив?..»

Но, вообразив себя аристократкой, она немного успокоилась и подумала, что истинные аристократки никогда не заговаривают на улице с незнакомыми мужчинами. А додумавшись до этого, наконец-таки решила, как ей поступить дальше. И поступила вот как: так и не ответив на вопрос, Ксана Андреевна рванула вперед, почти побежала. А ошарашенный этим маневром «плейбой» остался стоять на месте, как вкопанный.

Минут пять она неслась мимо каких-то олеандров и рододендронов, придерживая черную шляпку и образовывая своим стремительным движением легкие завихрения в праздном течении южного вечера. Через какое-то время прислушалась – и, не услышав звуков погони, слегка притормозила, здраво рассудив, что аристократки не только не знакомятся на улицах, но и ходят по улицам с достоинством, а вовсе не бегают. А еще через несколько минут к ней окончательно вернулось самообладание, и, снизив скорость до нормальной прогулочной, она снова начала обращать внимание на то, что происходило вокруг. Прошло еще минут десять – и Ксана Андреевна уже почти жалела о том, что с такой непенсионной прытью убежала от приключения.

«Ну что, собственно, могло случиться, если бы я просто поговорила с этим человеком?» – думала она. Вокруг упругими походками ходили веселые люди в ярких одеждах. То и дело раздавался смех... И Ксана Андреевна уже раскаивалась, что упустила шанс и не поиграла в таинственную русскую душу, которая залечивает сердечную рану в каком-нибудь классическом Баден-Бадене и при этом случайно, против воли, смущает душу высокого седоватого господина в белом костюме и широкополой шляпе... с тростью...

Еще немного подобных фантазий – и она успела бы всерьез расстроиться. Но тут прямо перед ее глазами вдруг возникла шуршащая лиловая упаковка, из которой тянули шеи похожие на огромных бабочек цветы. Букет был перевязан ленточкой фразы:

– *Какая красивая!*

Эти восторженные слова незнакомец сказал с акцентом. И прозвучало мужественно. Из восторженности с поправкой на мужественность получилась застенчивая страстность. Ксана Андреевна попробовала улыбнуться. Незнакомец протянул ей букет. Она его взяла.

– Меня зовут Николо. Николай Кроче. По-русски Коротич. Мой отец приехал сюда в двадцатые годы. Это он научил меня русскому. Да будет земля ему духом.

– Пухом, – осторожно поправила Ксана Андреевна и немедленно смутилась.

– Я заметил вас в гостинице. Я тоже там живу. Может быть, я могу предложить вам свою компанию для прогулки? Здесь на побережье есть очень красивые участки...

Он говорил вежливо, вкрадчиво, немного растягивал слова. Ксане Андреевне на мгновение показалось, что он плетет вокруг нее дымку-паутинку, но она не испугалась, неожиданно осознав, что ей просто очень нравится стоять посреди итальянского бульвара с букетом итальянских цветов и слушать, как итальянский мужчина приглашает ее на прогулку «по красивым участкам побережья». А уж когда новый знакомый произнес: «Не гоньте меня, пожалуйста», – она и вовсе растрогалась.

– Как вас зовут? – спросил итальянец.

– Оксана, – ответила Ксана Андреевна, не понимая, зачем она вдруг прихватила эту букву «О».

– Оксана, – повторил Николо, – так, кажется, звали одну фею у Гоголя?

Ксана Андреевна давно не открывала Гоголя, но помнила, что про фей он не писал. Про них писал Гофман, которого она иногда читала Анечке. Но у фей Гофмана были другие имена. Ксана Андреевна собралась продемонстрировать эрудицию и высказать это вслух, но Николай ее опередил:

– Вы тоже похожи на фею. На добрую фею.

– Неправда, – включилось Ксанино кокетство, бесцеремонно вытеснив покушение на образованность. – Феи не бывают с короткими волосами!

– Нет, правда! – с чувством произнес Николо. – Это ведьмы не бывают с короткими волосами. А феи бывают со всякими. Феи бывают даже лысыми!

После «лысых фей» итальянец вдруг тоже смутился, словно сказал нечто нетактичное. В сердце же Ксаны Андреевны на этих словах что-то щелкнуло – и она рассмеялась с традиционной громкостью местных гуляющих. Ну ничуть не тише, чем остальные!

Прогулка получилась напряженной, но приятной – как когда-то экзамен по любимому, но не до конца выученному предмету. Ксана Андреевна подумала, что нужно было заранее предположить, что кто-нибудь захочет с ней познакомиться – и подготовиться, определиться, что и как говорить! Без подготовки же слова в разговор складывались с трудом, между фразами то и дело зависали паузы, а по-цыгански льстивые звезды, пользуясь тишиной, усиливали свой романтический свет, и Ксане Андреевне казалось, что они норовят ее обмануть...

Итальянец предложил зайти в маленькую кофейню. Обнаружив в меню около ста сортов кофе, Ксана Андреевна растерялась и заказала себе самый незатейливый черный чай без пирожных и кексов. Он пожаловался, что после смерти отца начал забывать русский. Ксана вдруг слегка огорчилась. Нет, она вовсе не очертила подозрение в том, что он познакомился с ней только для того, чтобы поговорить на ее языке – ей просто стало грустно, и все...

– Тогда расскажите мне какую-нибудь длинную историю, – предложила она, не отпуская свою грусть. – Расскажите об отце: кто он был, чем занимался, как попал в Италию.

«Это увлекательная история, только не будьте строги к моим падежам,» – предупредил Николай и начал рассказывать. В падежи он почти всегда попадал, но у его языка была непривычная мелодия, и Ксане Андреевне казалось, что она слушает литературные чтения на каком-нибудь иностранном радио. Содержание у «передачи» было весьма романтическим – ведомый знойной колористикой южного вечера Николай невольно придавал подлинным фактам легкий мыльно-радужный флёр.

Пятнадцатилетний юнга российского флота Александр Коротич попал в Италию в двадцатые годы. Нищенствовал, перебивался случайными заработками, потом какими-то, как выразился Николай, «игольными» путями, забрался в самую античную глушь, на остров, где жили красивые, но немного дикие люди. Женился на будущей матери Николая, дочери полусумасшедшего рыбака. Дед благословил этот брак только потому, что вообразил, будто

этот пришлый «Алессандро» не просто чужеземец, а представитель русского дворянства, о котором дед что-то от кого-то слышал. Рассказывая о муже дочери соседям и родственникам, дед пытался провоцировать их зависть – те же над ним потешались. Островитяне сами считали себя прямыми потомками Аполлона – что за дело им было до каких-то там русских князей... Впрочем, со временем им все-таки пришлось признать, что русский не прост. Ведь именно он придумал бизнес, который помог семье выбраться из нищеты и которым до сих пор занимается Николай.

Поначалу островитяне изрядно веселились, говоря друг другу, что «только этому русскому крестину могла прийти в голову идея выращивать сорняк!» Да, розмарин был действительно чем-то вроде сорняка – разрастался на острове запросто, чувствовал себя в этой сухой и солнечной среде преотлично и, словно извиняясь за захват территории, придавал острову острый, свежий, слегка похожий на хвойный запах. «Потомки Аполлона» хорошо знали, что эту траву можно добавлять в пищу, ею лечили женские недуги и успокаивали припадочных, вот только связать все это со строительством в ближайшем порту крупного фармацевтического завода смог только пришлый русский! Ему было нелегко, но уже через несколько лет весь остров был покрыт культурно насаженным розмарином, и во время цветения «росы моря» становился голубовато-фиолетовым, обманывал корабли, притворяясь волной, приманивал моряков маяком сумасшедшего аромата...

– Неужели вы живете на острове? – восхищенно перебила Ксана Андреевна.

– Да, я живу на острове и по-прежнему выращиваю розмарин. Продаю его как сырье фармацевтическим и косметическим предприятиям, а еще сам произвожу кулинарные специи на небольшом заводе. У меня крепкий бизнес, – сообщил Николай не без гордости. – Вчера я, к примеру, заключил новый контракт с французами.

Ксане Андреевне показалось, что родственная цепочка, связывавшая ее с героиней Барбары Картланд, стала вдруг намного короче, и что теперь она по праву может считать себя не просто пожилой компаньонкой молодой красавицы, а ее старшей подругой, которая достойна отдельной сюжетной линии. Пусть даже эта линия не будет в произведении самой главной!..

– Оксана, вы замужем? – спросил Николай после небольшой паузы.

– Да! – ответила Ксана Андреевна без запинки. Потому что, во-первых, близкая родственница героини Барбары Картланд в возрасте Ксаны Андреевны обязана иметь мужа. А во-вторых, замужество как-то защищало.

Николай замолчал. Ксане Андреевне показалось, что он расстроился. Ее это обрадовало. На радость накладывалось страшное любопытство, но Ксана Андреевна медлила и тоже молчала. Спустя какое-то время Николай ответил сам:

– А я вдовец. Уже больше десяти лет. Джулия была доброй женщиной. Она оставила мне двоих сыновей... А у вас есть дети?

– Да, дочь Полина, она юрист. А еще внучка Анечка. – Скоро и споро ответила Ксана Андреевна, обрадовавшись тому, что разговор переключился на детей, и ей не нужно реагировать на сообщение о его вдовстве. А то она, во-первых, не знала, в каких выражениях это нужно делать, а во-вторых, трагический факт кончины этой Джулии почему-то вызывал у нее какое-то странное воодушевление.

– Моих сыновей зовут Джованни и Джузеппе. Они уже взрослые, но жениться не торопятся и совсем не говорят по-русски. Они тоже в семейном бизнесе и живут вместе со мной...

В холле гостиницы они чинно прощались. Николай был вообще-то не прочь пригласить новую знакомую куда-нибудь еще, но потом вспомнил, что на завтра запланирован серьезный разговор с представителем транспортной компании, обслуживавшей его предприятие,

и он должен быть в форме, а разговоры на языке, которым пользуешься не каждый день, весьма утомительны.... «Она очень милая, – подумал он по-русски и, перебрав четки слов – бледная? блеклая? – нашел нужное: – Светлая!»

Ксана Андреевна была искренне рада возвращению в гостиницу, ей хотелось поскорее остаться одной и обстоятельно обдумать все, что с ней приключилось. Она искренне не хотела никакого продолжения, но, прощаясь, вдруг так разволновалась, что сердце ее, казалось, вот-вот выпрыгнет и разобьется на мраморных ступенях гостиничной лестницы.

«Вежливо пожелал спокойной ночи и руку поцеловал», – рассуждала она чуть позже в номере, сидя в кресле и осторожно касаясь одновременно трепетной и сочно-мясистой плоти диковинных южных цветов.

«Роскошный букет... Мне никогда ничего похожего не дарили. Впрочем, у нас такие цветы и не растут... И руки мне давно никто не целовал... Ну Стас Полинкин на день рождения и Восьмое марта, так это не считается... Хорошо, что я маникюр успела сделать! Хотя успела – не – успела... разве это важно? Ведь вся эта история ровным счетом ничего не значит! Случайная встреча двух людей, оба в чужом городе, знакомых нет... К тому же ему нужна языковая практика...»

Ксане Андреевне захотелось пить. Она открыла бар, нашла в нижней охлаждаемой части пакет апельсинового сока, открыла и налила себе полный бокал. На верхней полке бара располагалась батарея разодетых в яркое бутылок-иностранок. Ксана Андреевна узнала любимый Полинкин мартини, вытащила его из шеренги, повертела в руках. Потом вспомнила, что героини Барбары Картланд после каких-нибудь переживаний обязательно что-нибудь пьют: «А я чем хуже? Я же родственница! Мне тоже нужно выпить коктейль!» Ксана Андреевна решительно открыла бутылку, но звук лопающихся перепонек на металлической пробке как-то вдруг погасил ее пыл. Плеснув в бокал с соком ровно каплю мартини, она почувствовала странную жалость – то ли к себе самой, то ли к бутылке, которую она совершенно напрасно распечатала.

В дверь неожиданно постучали. Ксана Андреевна вздрогнула и уронила бокал на пол. Он не разбился, но на гладком дереве образовалась приличных размеров лужа. «Как же это я так?! – разнервничалась Ксана Андреевна, – тут же, наверное, и тряпки никакой нет!»

Стук между тем повторился, прозвучав требовательнее, чем в первый раз.

«Боже, кто же это может быть?» – подумала Ксана Андреевна и обреченно направилась к двери.

За дверью стояла служащая гостиницы Марина. С панорамной улыбкой на лице и большой матово-стеклянной вазой в руках.

– Оксана Андреевна, я видела вас внизу и подумала, что вам понадобится что-нибудь более вместительное, чем та вазочка, которая стоит у вас на комод. Вам ведь подарили такой роскошный букет!

Протягивая вазу, Марина сделала два шага вглубь комнаты и заметила валявшийся на полу бокал и лужу.

«Я... хотела... только...» – промямлила Ксана Андреевна, проследив за ее взглядом. Улыбнувшись еще шире, Марина утешительно произнесла:

– Я сейчас пришлю к вам Лусию, она всё устроит.

Ксане Андреевне ее «утешение» показалось несколько неуместным. Она даже разозлилась, но развить раздражение в какую-нибудь внятную претензию не успела, потому что буквально через несколько секунд в комнате появилась глазастая пожилая итальянка в голубой униформе и резиновых перчатках. Она молниеносно управилась с лужей, вынесла свой инвентарь в коридор, тут же вернулась, уже без перчаток, прошла в ванную, вымыла руки и приготовила Ксане Андреевне новый коктейль с соблюдением всех рекомендуемых пропорций.

«Я, наверное, должна ее отблагодарить, – перепугано подумала Ксана. – А как? Что, просто так взять и дать ей доллар? Но у меня, кажется, нет по одному, только по пять. А пять это уже слишком!» – возмутилась она, вспомнив зарплату учителя районной музыкальной школы.

«Господи, ну зачем я вообще сюда приехала?!» – вздохнула она про себя, а Лусия тем временем, улыбнувшись Ксане Андреевне на прощанье, закрыла за собой дверь, не получив за свои труды даже какого-нибудь акцентированного «грацио». И то ли от этой своей неблагодарности, то ли от чего-то еще, Ксане Андреевне стало очень тоскливо. Она ходила по комнате, пыталась смотреть телевизор, читать роман, но внимание ее, ни на чем не удерживаясь, встревоженной птицей улетало в окно и кружило в черном небе, призывая сон. Сон же к ней не торопился, потому что был красивым и, как все красивые, хотел, чтобы его подождали-помучились.

Ей снился танец красок с зыбким сюжетом. Черно-белая зебра с гитарной линией крупно грациозно бегала по густо-зеленому лугу, с неба спускалось царственное солнце, где-то вдали мерцало зеркало моря, и розмарин нескромно себя расхваливал роскошным своим ароматом. Ксана Андреевна точно знала, что это был именно розмарин. А не какой-нибудь там орегано или фенхель...

Утро было легким и радостным. О вчерашнем знакомом Ксана Андреевна почти не вспоминала, но наряд для пляжа выбирала с особым тщанием. А что – она же впервые выходит на заморский пляж! Примеряя купальники, жалела, что их у нее только два: черно-белый раздельный и зеленый в желтую клетку закрытый. Раздельный был самого модного в этом сезоне фасона, ей его Полина купила, но зато с прикрытым животом она выглядела стройной, как девчонка. Повертевшись перед зеркалом минут десять, она всё же остановилась на втором варианте. Красиво повязала зеленоватую в зыбких рыбках юбку-парео и надела длинную шелковую желтую майку. Плюс изящные шлепанцы, большая соломенная сумка с деревянными ручками, модные солнечные очки и, разумеется, пляжная шляпа с ее широкими и немного меланхоличными полями.

Нет, она вправду не думала, что может повстречаться с Николаем в холле или за завтраком – но море у нее в душе волновалось. Ксана Андреевна пыталась строить какой-нибудь волнорез из трезвости, но волны не сдавались – устроили себе укромную бухту в какой-то там селезенке, которая ёкала и лишала аппетита. Увидев за завтраком феерическое разнообразие фруктов, сыров, соков, колбас и всего прочего диковинного и экзотического, Ксана Андреевна скромно взяла себе малиновый йогурт, манго – Полинка как раз покупала на ее недавний день рождения! – и кофе с маленьким круассаном. Села за столик на террасе с совершенно открыточным видом на море, которое, впрочем, доказывало факт своего реального существования легким шелковым ветерком.

Позавтракав, Ксана Андреевна спустилась к воде. Прошлась вдоль моря, осваивая пространство. Выбрала шезлонг в тени под навесом, обстоятельно расположилась и раскрыла новый роман Барбары Картланд. Читать старалась внимательно, но буквы суетились перед глазами, как муравьи, и всё норовили разбежаться по сторонам. Пыталась их, убегающих, ловить, Ксана Андреевна то и дело отрывала взгляд от книги и осматривалась. Себя она при этом убеждала, что вовсе никого не ищет... Просто рассматривает публику...

Впрочем, ищи – не – ищи, но на пляже его всё равно не было! А публика... Публика как публика! В Сочи такая же. Полинка как всегда была права: и толстые здесь были, и старые – всякие, в общем. Кстати, мужчины соответствующего возраста производили гораздо менее выгодное впечатление, чем ее вчерашний знакомый. «Неужели мне достался самый красивый итальянец?» – не без самодовольства подумала Ксана Андреевна, но тут же опом-

нилась и строго себя одернула: «Это кто тебе достался? И с какой стати ты вообще себя с ним объединяешь? Ну погулял с тобой человек по бульвару, и что с того?..»

Ей стало немного грустно. Утешая себя, она подумала, что мужчин-отдыхающих она видит раздетыми, а на Николае вчера была очень стильная одежда: легкие серые брюки и синяя шелковая рубашка... И неизвестно еще, как бы он выглядел в плавках – может, так же, как все эти слегка поплывшие пожилые мужчины...

«И вообще, какое мне до него дело?! – решила Ксана. – К тому же он, наверное, уже уехал, он же деловой человек, у него переговоры... Подписал все контракты и отправился домой, на свои плантации...»

Ксана Андреевна просидела на берегу часа четыре, отчаянно пытаясь следить за любовными переживаниями героини романа. Три раза осторожно окуналась в льстивую воду, наносила наносила на кожу защитный крем и снова возвращалась к книжке.

В час, обозначенный обеденным, отправилась в открытое кафе, где с большим аппетитом съела огромную тарелку спагетти с креветками, мидиями и прочей морской экзотикой и выпила целых два бокала легкого белого вина. Вообще-то второй она пить не собиралась, но официант проявил инициативу, и она решила – гулять так гулять...

Потом снова вернулась к морю и своему роману и еще через какой-нибудь час заметила, что книга приближается к концу, а она не помнит ничего, кроме последней страницы. «Вот так, наверное, и начинается склероз», – испуганно подумала Ксана и, сосредоточившись, попыталась вспомнить, с чего собственно начиналось повествование. Задумавшись, сняла солнечные очки, закусила их дужку и в этот раз посмотрела по сторонам действительно без малейшего интереса. И в следующую секунду обнаружила прямо перед своим носом разноцветный бокал, украшенный по краю зелеными листьями.

– Здравствуйте, Оксана! Я был занят с утра и боялся, что вы куда-нибудь уедете, и я вас больше не найду.

– Здравствуйте, – ответила Ксана с легкой хрипотцой, мгновенно почувствовав дрожь в руках, сухость в горле, учатившееся сердцебиение, головокружение – словом, все то, что в ее возрасте должно сопутствовать склерозу и напоминать о районной поликлинике.

– Это вам! – Николай протянул ей похожий на фейерверк бокал. Здесь немного алкоголя, но в основном фруктовый сок. В баре говорят, что это самый популярный напиток на пляже...

Ксана Андреевна замешкалась и никак не могла отважиться взять бокал – боялась, что он заметит, как у нее дрожат руки.

– Может быть, вы хотите, чего-нибудь другого? Скажите, я принесу! – с готовностью предложил Николай.

– Да... Знаете... Принесите мне, пожалуйста, обычной минеральной воды, – заявила Ксана. Ей показалось, что у нее это неплохо получилось: с нужной дозой уверенности и смущения оттого, что она его обременяет.

«Идите-идите, – думала она, глядя в спину удаляющемуся Николаю. – Хорошо бы там еще очередь какая-нибудь организовалась... минут на двадцать-тридцать, как в поликлинике за талончиками к терапевту... Чтобы я успела справиться с этим дурацким волнением! Я же тысячу лет не заводила новых знакомств и совсем забыла, как себя при этом ведут».

На маленьком столике, вмонтированном в подлокотник шезлонга, рядом с закрытой книгой стояли два бокала. Ксане Андреевне остро захотелось выпить один залпом, но она решила быть последовательной. Вспомнила прочитанную как-то книжку – «Способы достижения эмоциональной стабильности в кризисных ситуациях». Там советовали в минуты тревоги представлять себе нечто родственное предмету, вызывающему беспокойство, но не страшное, привычное. Например, если путешествуя по горам, вы вдруг оказались у края пропасти, и вас охватил страх высоты, нужно срочно вообразить какой-нибудь хорошо зна-

комый балкон в квартире на высоком этаже, вспомнить детали: ящик с цветами, какое-нибудь обязательное эмалированное ведро со щербинкой по краю, веревку в прищепках. А потом посмотреть вниз и попытаться уравнять вид с обрыва с видом с балкона... Ксана Андреевна вспомнила своих мужчин.

Вообще-то все они хоть в чем-нибудь да уступали ей. Полинкин отец был и не глуп, и собой хорош. Но он приехал в Ленинград из провинции, и отсутствие прописки не позволяло причислить его к женихам высшей категории. Второй хорошо зарабатывал в качестве бригадира образцово-показательной бригады, но высшего образования так и не получил. Третий был из хорошей семьи, закончил престижный вуз, должность занимал солидную, но внешне выглядел неказисто и к тому же ростом был чуть ниже самой Ксаны, так что ей пришлось отказываться от высоких каблуков.

Когда от нее – к другой! – уходил первый муж, Ксана Андреевна злилась, страдала и, если бы не Полина, наверняка впала бы в депрессию. Разрыв со вторым мужем вызвал у нее удивление и обиду. Бригадир о них с Полиной заботился искренне и вообще был той самой каменной стеной. Развод Ксана предложила сама в запале какой-то мелкой семейной ссоры, а он вдруг взял и согласился. Ксана Андреевна потом всеми средствами пыталась отозвать инициативу, но ее «средне-технический» не поддался ни на какие уловки – развелся, благородно оставив Ксану Андреевну в полном недоумении посреди новой просторной квартиры, которую ему накануне выделил его завод. Расставание с третьим мужем Ксана Андреевна восприняла стоически и философски. Ей тогда было сорок пять, выглядела она значительно моложе. Подруги в один голос твердили, что мужья уходят от нее только потому, что она сильнее и ярче, и что у нее еще все впереди... Она соглашалась, допуская, что впереди, может, и не все, но что-то уж определенно есть... Правда, едва на горизонте проявлялись нечеткие контуры «чего-то», Ксана Андреевна тут же отступала – а сами мужчины ни на чем не настаивали. Ведь мужчины в возрасте редко бывают настроены завоевательски. По крайней мере, по отношению к женщинам в возрасте. Это, скорее, женщина в возрасте должна завоевывать мужчину, предлагая ему опрятную таверну в уютной гавани под тихое журчание волны, которое иногда превращается в трогательные мелодии ретро... Ксане Андреевне завоевывать никого не хотелось, к тому же в глубине души она опасалась нового поражения – а поэтому просто и вопреки возрасту ждала конкистадора-энтузиаста.

По белому и мелкому, как в песочных часах, песку, поскрипывая кожаными сандалиями, к ней уверенно приближался Николо Кроче. В руке он держал запотевший стакан, украшенный по краю дольками ярко-зеленого лимона. «Кажется, этот цитрус называется лайм», – растерянно подумала про себя Ксана Андреевна, а вслух произнесла:

– Господи, мне так неловко! Дело в том, что у меня иногда случается аллергия на лимоны. Так что я, наверное, все-таки коктейль выпью...

Николай широко улыбнулся. «А она совсем другая, не похожая на знакомых женщин. Не самостоятельная и самоуверенная европейка, и не итальянка, громкая, дерзкая, но легко подчиняемая. Русская...»

Социально Николо Кроче был полноценным итальянцем, но русское прошлое отца всегда будоражило его воображение. Не потому, что он был местным-интеллектуалом-любителем-Достоевского, и не потому, что отец много рассказывал ему о России – наоборот, Алессандро нечасто вспоминал свое детство и русскую молодость. Николаю даже казалось, что отец совсем не скучал по стране, в которой родился. Но у Александра Коротича начисто отсутствовали способности к языкам, и итальянский давался ему с большим трудом. К тому же островитяне не умели учить и иногда нарочно говорили так, чтобы чужой их не понимал. Поэтому с сыном Алессандро говорил только на родном языке, испытывая удовольствие оттого, что может одевать свои мысли в более или менее соразмерные слова. Николай же действительно полюбил русский. После смерти отца ему редко выпадала возможность

говорить на нем, но русские книги он читал постоянно, отдавая предпочтение классике и серебряному веку.

Два раза Николай ездил в Россию. Первый – сразу после объявления о перестройке, второй – недавно. В обоих случаях вел себя не как рядовой турист, от всех предложенных экскурсий отказался, всюду ходил сам, искал суть. Нашел что-то неясное и грустное. Десять лет назад его шокировало то, как похожие на заезженных лошадей женщины часами стояли в плотных очередях за какими-то мелочами, которые для Италии были настолько привычны и незаметны, что люди попросту забывали их названия. Во второй раз очереди исчезли, но Николаю показалось, что не все этому обрадовались. Он тогда даже перерегистрировал билет и уехал домой раньше намеченного срока, потому что, гуляя как-то в Петербурге по Невскому, вдруг понял, что здесь нужно либо останавливаться, окапываться и укореняться – либо отсюда нужно бежать без оглядки.

Он хорошо помнил подробности, образывавшие рамку этого глубокомысленного заключения. На углу Невского и Михайловской, недалеко от гранд-отеля на расползающихся деревянных ящиках сидели полупьяные музыканты и с минами отвращения на лицах играли замечательный, искренний джаз. У подземного перехода трогательная седая бабушка торговала незабудками. Рядом на тротуаре лежала одетая в черное юродивая и в мелком, но не противоречащем джазу ритме трясла головой. С проезжавшего по Невскому троллейбуса упал провод, едва не изувечив и без того болезненного вида лошадь, верхом на которой прямо по проезжей части бесстрашно скакала ангелообразного вида девочка лет пятнадцати. У нее были черные локоны и глубокие карие глаза, и Николаю показалось, что она попала на Невский прямым из Русского музея, сняв для конспирации шляпу и переодевшись в какие-то балаганные тряпки. Он уже собрался с ней заговорить, но «ангел» вдруг начал кричать в адрес водителя что-то явно дьявольское. А наблюдавший за этой сценой случайный молодой человек в дорогом костюме быстро сказал своей спутнице что-то очень умное, из чего Николай вычленил слово «коннотация», почему-то напомнившее ему белогвардейцев и рассказы писателя Бабеля... Немного повертев это имя в воображении Николай решительно направился к зданию «Аэрофлота», где поменял обратный билет на ближайший рейс.

В самолете он с грустью думал, что так и не встретил ни одну женщину, которая была бы похожа на музу поэта начала века – осторожную красавицу в платье из креп-жоржета цвета розового дерева с небрежно наброшенным на плечи боа из рыжей лисицы, перечеркнутой по хребту черной полосой. В маленькой черной шляпке без полей, которая, словно ладонями, охватывает коротко стриженную головку...

Ксана Андреевна пила коктейль небольшими глотками, иногда спотыкаясь носом о фруктовый декор бокала. Николай вдруг предложил воображению набросить ей на плечи какое-нибудь огненно-лисий манто... Дело происходило на пляже. Было очень жарко. К тому же экологический экстремизм докатился даже до модницы-Италии... Но после того, как его фантазия проделала этот несообразный сезону трюк, Николо Кроче, этот в общем-то малоимпульсивный, трезвый человек, взял и сказал:

– Оксана! А поедемте со мной ко мне на остров! Я вас приглашаю!

От неожиданности Ксана Андреевна поперхнулась и испуганно посмотрела по сторонам. Николай тоже испугался – самого себя. Ведь еще пять минут назад у него в мыслях не было даже намека на что-нибудь подобное. Вчера он случайно увидел, как в отель приехала туристка из России. Позже, вечером, опять же случайно заметил, как она в одиночестве прогуливалась. У него был тяжелый день, ему хотелось спать, но черная шляпка интриговала, и он решил познакомиться – просто так, из любопытства, а заодно русский освежить. После того, как Ксана так странно повела себя при его первой попытке, в нем проснулся веселый азарт. Добившись своего, он не разочаровался – русская оказалась красивой, спокойной жен-

щиной, разговаривать с которой было очень легко. Она смущалась и думала, что он этого не замечает, и ее смущение придавало их знакомству какую-то особую вибрирующую нотку. За завтраком Николай с теплотой вспоминал вчерашнюю прогулку, потом позабыл о Ксане начисто, с головой уйдя в обдумывание способов сокращения перевозок. После переговоров пообедал в городе с директором транспортной фирмы и вернулся в гостиницу. На семь вечера был заказан маленький самолет частной авиакомпании, который за сорок минут должен был доставить Николая домой. До отлета оставалось чуть больше трех часов. Он снял костюм, надел шорты и футболку и отправился на гостиничный пляж, надеясь отыскать там Оксану, чтобы с ней попрощаться. И только! И вдруг такой пассаж!

«Она наверняка откажется, она же замужем,» – попытался успокоить себя Николай. – «Она должна отказаться!» – мысленно повторил еще раз, с изумлением обнаружив, что думает по-английски. Английский он знал намного хуже русского и вообще-то никогда на нем не думал. Словом, в голове у Николая Кроче наблюдалась явная путаница.

– Но как же я могу с вами поехать? – недоумевала между тем Ксана Андреевна. – То есть спасибо, конечно, за приглашение... Но ведь у меня путевка... Семь дней, шесть ночей...

– Я попробую это устроить. Хозяин гостиницы мой хороший знакомый, он наверняка что-нибудь придумает, – уговаривал Николай, по-прежнему не соображая, зачем он это делает.

– Я как-то не знаю... – растягивала слова Ксана, – это так неожиданно... – Потом помолчала немного и зачем-то добавила:... право...

– У меня на острове, *право*, вам будет ничем не хуже, чем здесь, – настаивал Николай, удивляясь, как это у него получается так убедительно говорить о том, в чем сам он несколько не убежден. – Берег у нас даже лучше, природа нетронутая. К тому же вам никто не будет мешать...

Ксана Андреевна вспомнила придуманную Агатой Кристи мрачную историю про остров и десять негритят. И тут же обнаружила, что как раз в этом – детективном – смысле ей совсем не страшно. Хотя это, пожалуй, и крайне легкомысленно.

– Я понимаю, – продолжал между тем Николай, – вы, наверное, просто боитесь. И это правильно, всегда следует быть осторожным. Но мы можем зайти в полицию, там подтвердят, что я вполне порядочный гражданин... Или позвоните вашей дочери! Расскажите ей, что вас пригласили в гости, оставьте все мои телефоны...

«Дочери?» – растерянно повторила Ксана. Кажется, впервые в жизни она позабыла о том, что у нее есть дочь.

– Полина... она... – начала было Ксана Андреевна, но потом остановилась, не зная, как закончить фразу. Ей хотелось предположить, что обо всем этом сказала бы Полина, но авторитет дочери начал вдруг стремительно размываться.

«Она не должна согласиться, не должна,» – в панике думал Николай, а вслух спросил:

– Вы когда-нибудь видели цветущие розмариновые поля? Это очень красиво!

– Нет, но... Я не знаю... Это так неожиданно...

– Вообще-то, обычно розмарин цветет один раз в год, в феврале-марте. Но иногда он зацветает дважды, второй раз – в сентябре. Говорят, что если это случается, это значит, что произойдет что-нибудь особенное. Сейчас как раз такой год...

Ксана Андреевна представила вдруг свой домашний диван. Оставленный на диване махровый халат с патетически разбросанными рукавами. И купленную перед отъездом книжку «Как уберечь семью от энергетической интервенции».

– Нет, я не могу... Не могу... Наверное...

«Наверное» защелкнулось, как наручник. То, что это согласие, Николай понял, но вот рад он этому или нет – понять пока не мог.

«Еще не поздно что-то изменить, – спешно думал он. – Ведь неизвестно, что из этого получится... Какотреагируют сыновья... Может, просто превратить все в шутку?..»

В глаза нахально лезли золотые буквы на глянцево-розовом переплете книги. Оксана выбивала на ней пальцами едва слышный, но непростой ритмический рисунок.

«Сейчас я начну – как это у них называется – ёрничать... Она поймет, что я дурак, а приглашение несерьезное», – решил Николай и за неимением времени для детального продумывания клоунады сделал первое, что пришло ему в голову: припав на одно колено, уронил подбородок на грудь, приложил правую руку к сердцу – так делал в каком-то русском фильме один военный курсант, – а потом выбросил левую руку в сторону и очень выразительно спел:

– Поедем, красно-о-отка, ката-а-а-аться, не зря я тебя-а подждал...

Ксана Андреевна сначала ошарашенно замолчала, а потом рассмеялась.

«Кажется, она поняла правильно... что это просто шутка... И сначала огорчилась, а потом обрадовалась», – подумал Николай. И сначала обрадовался, а потом огорчился.

– А что, вопрос с моей путевкой действительно можно как-то устроить? – спросила Ксана Андреевна, отсмеявшись.

Николай посмотрел куда-то вверх. Веником остервенелой пальмы ветер усердно подметал дорогу в небо. «Я веду себя, как старый идиот, – подумал он. – Она наверняка меня таким и считает... И несмотря на это, собирается ко мне в гости.»

– Я все сделаю, не беспокойтесь!

«Какой он милый и странный, – думала Ксана. – Почтительный, вежливый, как настоящий джентльмен из кино. И вдруг этот эпатаж с «красоткой»! Это у них тоска по родине так выражается», – Ксана Андреевна вспомнила девушку Анну, которая приезжала как-то к Полинке из Швеции. Ее родственники оставили Россию во время Второй мировой войны, Анна вообще не говорила по-русски, но очень любила песню про то, как «по улице ходила большая крокодила», – и пела ее с большим чувством. Так же, как Николай про красотку.

– У меня заказан маленький самолет, до отлета еще есть время, так что вы можете спокойно загорать. А я пойду поговорю с директором гостиницы, – сказал Николай и быстро удалился.

«По-моему, прозвучало это как-то слишком сухо», – подумала Ксана Андреевна и впала в оцепенение.

Во-первых, ей казалось, что она сошла с ума, и вся эта история ей попросту пригрезилась. Во-вторых – если это не галлюцинация – то как она вообще могла согласиться на такую авантюру? Куда она поедет? На какой такой остров? А если она захочет оттуда сбежать, что тогда? Вот он сейчас выпишет ее из гостиницы, и что дальше? Самолет в Петербург через пять дней – куда она денется?..

Но потом перед ней вдруг разверзлась настоящая пропасть – а если он сейчас исчезнет? Вот так просто возьмет и больше никогда не вернется! Не вернется... Из пропасти его невозвращения ей было не выкарабкаться. Ни одна новая мысль не образовывалась и не предлагала себя в качестве веревочной лестницы. Напряжение вытянуло Ксану Андреевну в трепетную струну. С мстительной медлительностью тянулись минуты, и солнце начало немилосердно печь. Через полчаса жаркого вакуума ожидания Ксана Андреевна почувствовала, что собирается расплакаться. Потом вдруг заметила, что в горячем воздухе летают маленькие мыльные пузыри.

«Я перегрелась. Нужно срочно идти в номер, там кондиционер и прохладно», – решила Ксана Андреевна и, подхватив сумку, направилась к отелю, стараясь контролировать «достоинство» походки.

Вернувшись к себе, сразу же встала под душ и простояла под прохладными струями минут двадцать, не расслышав ни телефонного звонка, ни стука в дверь.

Оставив Ксану на пляже, Николай снова испытал странную растерянность. За все его неполные шестьдесят с ним не случилось ничего похожего. Этот порыв с приглашением!.. Он никогда прежде не звал малознакомых людей к себе домой. Конечно, русская вызывала у него симпатию, но здравомыслящий человек не должен с разбегу звать в дом всех, кто ему понравился... Все связанные с ее поездкой расходы ему, разумеется, придется взять на себя. Беднее он от этого не станет, не в деньгах дело – просто что-то во всем этом было не так. Николай вдруг подумал, что отец, даже разбогатев и совершив то, что было не по силам и не по уму ни одному из островитян, все равно остался для них в каком-то смысле ущербным – пришлым, чужим, «русским князем», родством с которым гордился только полусумасшедший дед. Когда отец выселял людей с острова, предлагая им огромные суммы «отста-лого», те криво усмехались, не испытывая к благодетелю ни благодарности, ни уважения. Оставшиеся на острове люди – примерно четвертая часть изначального населения – неплохо зарабатывали на плантациях и заводе фирмы «Розмарин Кроче». Но, даже несмотря на это, особенного почтения к первому хозяину никто не проявлял. Впрочем, Николаю это уже не касалось – он уже был «своим». Но сейчас ему вдруг ясно представилось некое, но намекающее на наследную русскую дурь осуждение, с которым к его поступку отнесутся и мальчишки, и Эльса, дальняя родственница покойной жены, испокон веков жившая у них в доме и отвечавшая за хозяйство...

Раздраженно думая об этом, Николай одновременно вполне приветливо общался с хозяином гостиницы, устраивая так, чтобы Ксана могла освободить номер и получить назад часть его стоимости за вычетом всех штрафных. Позвонил в авиакомпанию, предупредил, что с ними летит еще один пассажир. Зачем-то счел своим долгом объяснить хозяину гостиницы, что пригласил синьору Соловьеву к себе, потому что выяснил, что у нее есть родственники по фамилии Коротич: «Вы же знаете, мой отец был русским, наша семья просто подкроила его фамилию на итальянский манер». Хозяин гостиницы кивнул головой и понимающе улыбнулся. Николаю его улыбка не понравилась. Ему снова представилась малоразговорчивая Эльса и ее тяжелый антрацитовый взгляд. Она была так преданна покойной Джулии, а к Николаю всегда относилась настороженно. Вот возьмет и в знак протеста уйдет из дома, а что, она может...

«И зачем я в это ввязался? – сформулировал наконец Николай собственное раскаяние и в следующую же секунду перевел стрелки: – А она? Как она могла согласиться? А еще сказала, что замужем! Какое легкомыслие! Вот если бы покойная Джулия уехала куда-нибудь отдыхать, и там ее пригласили на остров...»

Странно, но проекция на бывшую жену не вызвала у него в душе ни ревности, ни негодования. Вместо этого явилась совершенно неожиданная мысль, звучавшая примерно так: «А на каком основании, синьор Кроче-Коротич, вы, собственно, решили, что эта женщина действительно согласилась ехать с вами в вашу благоуханную глушь? Вели вы себя, как достойный внук вашего сумасшедшего итальянского деда – хоть и пели при этом русскую народную песню! Да куда она не собирается! Она просто пошутила!..» – Николай мгновенно расстроился, начисто позабыв о том, что злился на Ксану за ее готовность следовать за ним. Постояв минуту в нерешительности, подумал, что нужно поговорить с ней еще раз. Спустился к морю – ее шезлонг был пуст. Поднялся на четырнадцатый этаж и постучал в дверь ее номера – никто не открыл. Вернулся к портю, спросил о Ксане – ее не видели. Позвонил к ней в номер – ответа не последовало. Снова пошел наверх, громко стучал – и снова тишина.

Вернулся в холл, сел на диван и загрустил: «Она специально куда-нибудь уехала, чтобы не попадаться мне на глаза. Потому что я что-то сделал не так... Хотя «что-то»!.. Да я все сделал не так! Просто я так давно не ухаживал за женщинами, что забыл, как это делается. Я ее больше никогда не увижу...» – В синем небе за окном проплывала кружевная тучка, приглашая в мечтательное путешествие рассеянный взгляд пожилого человека, только что осознавшего, что он влюблен...

Примерно через час, когда их «игольные» пути наконец пересеклись, они оба выглядели немного виноватыми.

– Вы летите со мной? – осторожно спросил Николай.

– Ну, если вы не передумали... И если вас это действительно никак не обременит... – тихо ответила Ксана Андреевна, глядя куда-то в застекленную морскую даль.

* * *

Самолет был маленьким, а пилот – огромным, жгуче-черным и похожим на таксиста, который – подумать только! – всего лишь вчера вёз Ксану Андреевну из аэропорта в гостиницу. Сначала это ее успокоило, но как только они поднялись в воздух, ей вдруг стало страшно – она вспомнила фантастический фильм, в котором демон расставлял ловушки добропорядочным людям. Люди как-то выкручивались, отделялись от него, но дьявол неизменно проявлялся снова – в измененном, но вполне узнаваемом обличье. Разговаривать во время полета было невозможно – маленький, но пламенный мотор работу свою выполнял с большим энтузиазмом. Николо ободряюще улыбался, Ксана Андреевна сосредоточенно смотрела на широкую спину пилота.

Полет занял около часа. Когда самолет начал снижаться, Ксана Андреевна выглянула в иллюминатор и испугалась – ей показалось, что они собираются сесть прямо в море. Николай поймал ее встревоженный взгляд и широко улыбнулся. Из густо-сапфировых волн проступили очертания бледно-фиолетовой суши.

– Это и есть цветущий розмарин! – сообщил итальянец. – Сверху кажется, что море просто изменило цвет.

Они приземлились на кудрявую зеленую поляну, которая показалась Ксане очень неустойчивой – голову кружило то ли от полета, то ли от разлитого в воздухе запаха. Аромат был хвойный, но не знакомый елочно-новогодний, а более терпкий, с горчинкой – осенний.

– Правда, приятно пахнет? – произнес Николо. – Сегодня вас может немножко покружить, но уже завтра вы привыкнете и, кстати, будете себя хорошо чувствовать. У эфирного масла розмарина масса полезных свойств, а в античности розмарин считался символом памяти. Студенты до сих пор прячут иногда его веточку в волосах перед экзаменом...

Они подошли к маленькой желтой машине, ожидавшей, видимо, возвращения хозяина. Пока Николай укладывал вещи в багажник, повисла пауза.

– У ваших сыновей высшее образование? – испугавшись молчания, спросила Ксана и тут же смутилась. Собственный вопрос почему-то показался ей немного бестактным, но Николай, улыбнувшись, ответил:

– Нет, они закончили школу, а в университет поступать не захотели. Раньше у нас здесь была своя школа, детей было больше, и мы всегда приглашали учителей. Теперь остались только начальные классы. Потом родители отправляют детей в большие города к родственникам или в специальные пансионаты... А мои парни вообще никогда не отлучались с острова дольше, чем на несколько дней. Они очень увлечены семейным делом.

– Моя Полина тоже очень любит свою работу, но они с мужем много путешествуют, и в Европе были, и даже в Америке... – с достоинством ответила Ксана Андреевна и снова почувствовала себя светской дамой из романа.

Они ехали по грунтовой дороге, с обеих сторон машину догоняли поля. По форме – нормальные российские сельскохозяйственные угодья, по цвету – фиолетово-лиловые импрессионистские полотна. Ксане Андреевне казалось, что время и пространство ее дурачат, а в голове у нее наперегонки бегали два слова – притворно-сердитое слово «сюр» и насмерть усвоенный в советской школе «реализм».

– Ребята должны вернуться часа через полтора, – сказал Николай, посмотрев на часы. – Ужинать будем в восемь. Вы сможете отдохнуть, а Эльса успеет приготовить что-нибудь особенное. Эльса – это наша дальняя родственница, она живет с нами много лет и занимается хозяйством.

Появление в контексте какой-то Эльсы, которую Ксана Андреевна тут же представила себе лиотаровской шоколадницей, по идее, должно было снова покуситься на Ксанино чувство уверенности в себе, но за последние сутки ей, наверное, надоело смущаться – она просто едва заметно пожала плечами и про себя произнесла: «Эльса так Эльса! Что я служанок не видела? Да сколько угодно! Правда в кино, но ведь в реалистичных же фильмах!..»

Хозяйский дом был просторен и патриархален: стены из крупно-тесанного серого известняка, выложенное светлым камнем невысокое крыльцо, входные дубовые двери с подслеповато-сонным толстым старинным стеклом. Два высоких этажа, на первом сразу большой холл-столовая с тяжелой, уверенной в себе дубовой мебелью – и ни души.

Николо проводил Ксану Андреевну на второй этаж в комнату для гостей. Пространство там располагало к неторопливому, без суеты, отдыху: стены скромный беж, дощатый идеально струганный пол с ловкой домотканой дорожкой, легкое кресло-качалка у окна, полки с книгами, среди которых Ксана Андреевна разглядела множество русских названий, уютная кровать под романтическим балдахином, на полу у кровати огромная стеклянная ваза в форме обыкновенного ведра, в ней сноп сухой пшеницы. На непогрешимо ровной стене висел телефон – старинный черный с пустоглазым белометаллическим диском и крупными полустертыми цифрами в пластмассовом «яблочке» центра – местный родственник-ровесник аппарата, по которому когда-то можно было попросить «барышню» соединить со Смоленым. Ксана Андреевна улыбнулась:

– У вас очень хороший дом, хороший и добрый...

– Я был уверен, что вам тут понравится! – ответил Николо. – Так что осваивайтесь. Можете отдохнуть или выйти погулять, а в восемь увидимся в столовой.

Оставшись одна, Ксана Андреевна распаковала вещи, побродила по комнате, осторожно касаясь мебели, всевозможных мелочей и корешков книг. Взяла с полки нарядного в сафьяне Чехова, сборник назывался «Детвора», присела с книгой в кресло-качалку, но не успела прочитать и страницы, как уснула. Ей снились два лопоухих черноволосых мальчика, водившие вместе с Анечкой хоровод у новогодней елки под присмотром Эльсы-шоколадницы, которая вдруг превратилась в нечто среднее между Эллой Фитцджеральд и чернокожей нянькой Скарлетт О'Хара из кинофильма «Унесенные ветром».

Проснулась ровно за полчаса до ужина. Снизу доносились быстрые итальянские голоса, мгновенно отозвавшиеся в ее душе резонирующим волнением какого-нибудь зубно-губного музыкального инструмента из тех, которые так любят наши северные народы. Пытаясь отвлечься от волнения, Ксана разложила на кровати все свои наряды и долго выбирала, что ей надеть. Остановилась на ярко-синем платье из вискозы с рукавом три четверти – ему, правда, уже года три или четыре, но оно из «любимых» и ей очень идет. К нему черные летние туфли на небольшой, неудобной для курортных песков шпильке. Хорошо, что она все

же взяла их с собой, а то ее мягкие в дырочку кожаные тапочки на покрытом ковром дубовом полу смотрелись бы как-то несолидно!

Перед самым выходом посмотрела в зеркало и поставила своему отражению твердую четверку. Даже четверку с плюсом.

В столовой вокруг покрытого сиятельной белой скатертью стола споро, но без суеты, перемещалась Эльса – крупная, высокая, глазастая и жгучая, похожая на таксиста и авиапилота, только без усов. Сдержанно улыбнувшись, она кивнула Ксане Андреевне. Та в ответ сказала «Хай» и нахмурилась, снова вспомнив кино про дьявола. Во внешности родственницы явно присутствовало что-то от ведьмы.

Ксана Андреевна вдруг представила, что она не первая, кого Николай привозит на остров. Потом вспомнила свой недавний сон и Эльсу, которая была похожа на Эллу Фитцджеральд... К Элле Фитцджеральд присоединился однофамилец по имени Скотт, писатель, автор страшного рассказа «Алмазная гора», в котором убивали всех, кто оказывался в каком-то особом месте, где были собраны все сокровища мира... Ни действующих лиц, ни других деталей рассказа Ксана не помнила, но возбужденное воображение предложило ей следующий родственный сюжет: Николай Кроче обманом привозит к себе на остров глупых старых теток, вроде нее, умерщвляет их, и из тел изготавливает какой-нибудь трансген для выращивания своего розмарина! А толстая Эльса работает у него на самых черных участках производства...

В столовую вошел улыбающийся Николай. Глаза его сияли так, словно по фамилии он был не Кроче-Коротич, а Сличенко. Брюки на нем были цвета кремового, а рубашка – шоколадного... Ксана Андреевна мысленно обозвала себя «дурой».

Вслед за Николаем появились двое почти одинаковых молодых людей.

– Оксана, знакомьтесь, это мои мальчики! Левый Джованни, правый Джузеппе! – представил Николай.

Мальчики опустили головы в почтительном поклоне.

Им было лет по двадцать пять – тридцать. Оба высокие, стройные, в черных брюках и черных сорочках. Черноволосые, с ярко-алыми губами и такой нежно-сливочной кожей, которая никогда не позволяет мужчинам выглядеть свежевыбритыми – словом, очень колоритные.

Сначала Ксане Андреевне показалось, что они похожи на грузинских сванов. Ей даже захотелось дать им в руки по посоху, а на головы надеть войлочные шапки, прошитые витой черной ниткой. Но потом она передумала, решив, что гораздо больше мальчики напоминают черных лебедей.

На ужин подавалась воздушная рыба и гогеновского вида овощи. Нет, Ксана Андреевна помнила, что география Гогена – это другие острова, но общая экзотичность ситуации оправдывала неточность. Ела Ксана неторопливо и с удовольствием. За столом по большей части молчали, и только изредка рассеянно и тихо вздрагивали серебряные приборы.

– Очень вкусно, – произнесла гостя.

– Эльса замечательно готовит. В этом смысле вы тоже не пожалеете, что приехали к нам, – ответил Николай и наикуртуазнейшим образом предложил Ксане добавку.

– О, нет-нет! Спасибо, я уже сыта! – воскликнула Ксана, которая на самом деле запросто могла бы съесть как минимум еще порцию.

Обращаясь к сыновьям, Николо что-то быстро произнес по-итальянски. Ей показалось, что прозвучало слово, похожее на «аристократико».

– Я сказал мальчикам, что русские аристократки всегда ели очень мало, – объяснил Николай, на что Ксана со скромным достоинством улыбнулась, а потом подумала, что аристократки не только мало ели, но еще умели вести непринужденную беседу.

– Как жаль, что ваши мальчики не говорят по-русски, – вздохнула она.

– Мне тоже жаль, – ответил он. – Но у меня вечно не хватало времени, и их воспитанием в основном занималась жена.

«Аристократки должны уметь вести непринужденную беседу в любой ситуации,» – с преподавательской строгостью определила про себя Ксана и вспомнила обложку англо-русского разговорника, который она усердно изучала две недели перед отъездом.

– Ай хэв э дотэ, – церемонно сообщила она «лебедям». – Хе нэйм из Полина. Она... Ши из... – Ксана Андреевна никак не могла вспомнить, как по-английски будет юрист, но после непродолжительного раздумья выкрутилась: – Ши из адвокат... Энд ай хэв э грэнддотэ... Анечка... сыкс йеарз олд...

Черные лебеди растянули свои сочные красные клювы в улыбку, а Ксана поймала теплый взгляд Николая, и все английские слова журавлиным клином тут же упорхнули из ее головы.

Во время кофе и апельсинового желе Ксана Андреевна размышляла, стоит ли предлагать Эльсе помощь. По нашим меркам гостя обязана вызваться помыть посуду. А в синонимической Грузии такая инициатива может даже оскорбить хозяйку. Но, с другой стороны, Эльса же не хозяйка – Николай назвал ее родственницей, которая организует быт. А это значит, что к работе своей она вполне может относиться без трепета, присущего южным женам, и будет рада помощи... Ксана Андреевна уже собралась было дать Эльсе понять, что она тоже не прочь поработать, и попробовала мысленно подобрать для этого подходящий жест. Вспомнила пионерский салют. Мальчиша-кибальчиша. Буржуинов. Буржуины подсказали, что Эльса блюда принесла, но за стол со всеми не села. «Может, она не стала есть не потому, что не хотела, а по каким-нибудь иерархическим причинам?..» – задумалась гостя.

«Наверное, она жалеет, что приехала, – думал Николо, тайком читая на Ксанином лице растерянность. – Нужно дать ей возможность привыкнуть к обстановке, не докучать разговорами, не навязывать свое общество... Да и мне самому нужно привыкнуть к тому, что в доме находится незнакомая женщина. Пусть даже такая милая, как она...»

– Хотите, пройдемся перед сном? – предложил Николай. – Недолго, я вам только сад покажу.

Приглашение осмотреть темные аллеи сада Ксану взволновало и даже слегка испугало. Зато вопрос с Эльсой разрешился сам собой.

Разговаривать друг с другом наедине было еще труднее, чем при «лебедях». Первая палая листва под ногами старалась подретушировать неловкие паузы.

– Вам, наверное, хочется побыть в одиночестве, – произнес Николай, – Осознать шаг, который вы совершили?

Ксана Андреевна насторожилась – не совершала она никакого «шага»! Она просто поменяла гостиницу на лучшую. А что, избалованные курортники так часто поступают. В этом нет ничего особенного. Уловив ее тревогу, Николай поспешил оправдаться:

– Я имел в виду только то, что вы выглядите немного растерянной, но вам это идет! И потом в этом нет ничего странного – неожиданный поворот событий сродни наркозу, и нужно время, чтобы человек снова пришел в себя... «Он умный... красивый... добрый... богатый...» – думала Ксана, глядя в надменное кобальтовое небо. – И совершенно непонятно, зачем ему понадобилась я». – С какой-то случайной звезды нижнего ранга на Ксанины плечи упала украденная ветром темно-вишневая шаль из зябкой синтетики.

– У вас здесь замечательно, я нисколько не жалею, что приехала! – произнесла Ксана. – Но вы деловой человек, и я не хочу отнимать ваше время. Я, конечно, буду рада поговорить с вами по-русски, помочь с языковой практикой... Но, пожалуйста, не считайте себя обязанным меня развлекать! Я видела у вас на полках русские книги, так что скучно мне не будет. Я уже начала читать Чехова. – Потом помолчала немного и добавила: – Как врач Чехов хорошо разбирался в наркозе.

Николай улыбнулся. В синем небе остро сверкнула ревнивая звезда.

Следующим утром Николай пригласил Ксану на экскурсию. Расстояние из одного конца острова в другой машина проезжала минут за тридцать. Кроме хозяйского дома здесь был поселок с симпатичными бунгало, игрушечного вида заводик по производству специй, нестрашная роща и четыре розмариновых поля.

У каждого поля был собственный устав. На двух главных выращивали розмарин для фармацевтов, самый дорогой и высокий, до двух метров. На среднем поле зрело сырье для косметической промышленности, а из урожая самого маленького и низкого изготавливали кулинарную пряность.

Николай увлеченно рассказывал. О том, что размножается розмарин черенками, что для всех своих нужд человек использует листья и побеги, которые собирают во время цветения. Повторил, что дважды в год розмарин цветет не часто, и что островитяне испокон веков считали такие года особенными – после чего выразительно посмотрел на Ксану... Не без гордости упомянул, что его отец изобрел какой-то особенный способ омолаживания кустов, который позволяет значительно продлить срок эксплуатации участка, и что в пятьдесят девятом году об этом даже напечатали статью в бюллетене ботанического общества...

На всех полях работали люди. Завидев Николая, они почтительно кивали, но едва он отворачивался, по-деревенски становились фертом и пристально рассматривали Ксану.

– Розмарин очень любит тепло, от холода кусты быстро погибают. Зима у нас, к счастью, мягкая, но я помню, что однажды, когда мне было лет десять, неожиданно ударил сильный мороз. Мы тогда всю ночь выкапывали растения и прятали их в подвале дома...

Ксана Андреевна растрогалась, вообразив, как мальчик в штанишках на одной помочи укутывает розмариновый куст в старую отцовскую тельняшку. Но тут к ним подошла толстая итальянка, в темпе тарантеллы заговорившая с Николаем, – и Ксана, улыбнувшись, снова вспомнила Кавказ, а вскипевшая было слеза умиления испарилась.

Миновав поля и прозрачную разговорчивую рощу, они оказались на берегу у укромного мыса. С подветренной стороны берег защищала невысокая строгая скала, по склону которой катились градины дикого винограда. На вершине скалы, притворяясь белобородыми облаками, сидели какие-то неглавные античные боги, и дирижировали тишиной.

– Здесь вы сможете загорать и купаться, – сообщил Николай. – И вас никто не потревожит! Дорога простая, заблудиться нельзя.

Ксана посмотрела вверх. В легком шелковом небе со скромным достоинством катилась огромная жемчужина солнца, и влекомая солнечным блеском летела одинокая птица, похожая на запятую, которую случайно обронил сакральный журавлиный клин. В душе у Ксаны Андреевны внезапно зазвучал голосистый соловей, который, впрочем, очень скоро испугался мощи собственного соло и стал сползать в осторожную подпесню – а где-то в желудке у Ксаны Андреевны в это время взмахивала крыльями похожая на ветер белая бабочка.

Пять следующих дней прошли, как пять кругов на воде. Утром они завтракали вдвоем с Николаем. У Ксаны развился изрядный аппетит на сдобные булочки и фруктовые джемы – она даже начисто позабыла, что аристократкам негоже брать себе добавку. После завтрака он отправлялся работать, а она неторопливо шествовала к пляжу, где ее ожидало специально доставленное туда удобное деревянное кресло, на котором лежал сине-белый матрас, всякий раз радостно напоминавший Ксане Андреевне кинофильм «Полосатый рейс».

На берегу она проводила почти целый день – часы пролетали быстро, а минуты текли, как мед – тягуче и долго. Устав от солнца, она пряталась в тени скалы, купалась в море, слушала сердцебиение волн, наблюдала за метаморфозами облаков, ненадолго засыпала и читала чистую русскую классику.

Около пяти возвращалась в дом, где в ответ на ее улыбку Эльса наливала ей тарелку нарядного, с легкой дымящейся фатой, супа, в котором плавала всевозможная диковинная морская мелочь с романскими наименованиями.

С Эльсой они так и не подружились, но молчание хозяйской родственницы больше не казалось Ксане враждебным – скорее, просто спокойным или, в худшем случае, равнодушным. Однажды гостя все же отважилась предложить свою помощь – ей даже удалось как-то объяснить, что она готова вымыть посуду. В ответ Эльса улыбнулась, открыла дверцу шкафа и показала посудомоечную машину, весьма смахивавшую на небольшую космическую ракету. Ксана поняла, что без ее содействия тут запросто обойдутся, и очень этому обрадовалась – а то ведь черта с два бы она разобралась с этой техникой!

После обеда Ксана отправлялась к себе в комнату – спала или сидела с книгой в меланхолично покачивающемся кресле у распахнутого окна, сквозь которое в дом залетало трепещущее, пахнущее розмарином полотнище ветра.

В девять семейство собиралось в столовой. Ксанины приготовления к ужину всегда были длительны и пристрастны – она придирчиво выбирала платье, медленно и тщательно накладывала свою условную косметику.

В самом начале вечера мальчики обычно обменивались с отцом несколькими короткими фразами, которые касались работы, потом же больше молчали. По телевизору показывали новости, Николай иногда переводил ей какие-нибудь сюжеты. Ни к местным, ни к общемировым событиям Ксана не испытывала ни малейшего интереса, но старалась это скрывать. Время от времени они с Николаем тоже говорили друг другу что-то легкое и неглубокое – как и в первый вечер, – но такого, как тогда, напряжения Ксана больше не чувствовала.

Позже, когда ночь слегка загустевала, они выходили на прогулку. Разговаривали по-прежнему мало, но зато внимательно прислушивались к интонации – следили за запятыми и опасались многоточий, которых с каждым вечером становилось все больше и больше...

Николай провожал ее до двери комнаты, целовал руку и желал спокойной ночи. Лежа в кровати, она снова пыталась читать, но ночью разумные чужие мысли почему-то не усваивались. Сон приходил не сразу, и его первое прикосновение вызывало у Ксаны легкую горечь разочарования. Впрочем, погружаясь глубже, уже почти в бессознательном, Ксана чувствовала, что разочарование переодевается в обещание – и спала она всегда очень сладко.

Пятый, последний полноценный день на острове выдался не по-сентябрьски жарким, с самого утра в воздухе звенел пчелиный зной. После завтрака Ксана поднялась к себе и на всякий случай проверила обратный билет – да, всё правильно, 15 сентября, аэропорт города Марсало, рейс на Санкт-Петербург в 12:40, время местное. Представила, как завтра в допетушиную рань на острове приземлится уже знакомый ей маленький самолет. Николай вместе с ней поднимется на борт по игрушечному трапу, убедится, что все в порядке, попросит пилота проследить, чтобы у нее не возникло никаких осложнений в большом аэропорту, произнесет что-нибудь формально-любезное, привычно поцелует руку – и уйдет!.. А она поднимется в неокрепшее утреннее небо, где очень скоро превратится в маленькую, но весьма категоричную точку...

«Точка» вдруг породила в душе у Ксаны Андреевны целый ряд коварно изогнутых вопросительных знаков. Вопросы формулировались стремительно и клевали Ксану в сердце, как нахальные вороны. Она их, как ворон, отпугивала. Они улетали – недалеко и ненадолго. В конце концов их собрался целый грай – и Ксана больше не могла притворяться, будто не слышит их истеричного клекота. – «Зачем он меня сюда позвал? Что ему было нужно? Если я ему нравлюсь, то почему он так странно себя ведет? Если он не влюблен, то какой во всем этом смысл? Языковая практика? Но почему он так мало со мной разговаривает? Что он собирается делать дальше?.. А я? Как я к нему отношусь? Он мне нравится, да? Я

в него влюблена? Может быть, это и есть то самое чувство, которое... «на склоне лет»... «больней и безнадежней»?.. Неужели действительно последнее? И при этом безответное? Он же руки целует, но больше ничего не пытается!.. Что не пытается?.. Что это он должен пытаться?!..» – Тут Ксана Андреевна остановилась, обозвала саму себя старой дурой, после чего незамедлительно принялась саму себя жалеть.

А еще ей стало страшно оттого, что, не выдержав, она сама может выступить с какой-нибудь инициативой – выступить и всё испортить!.. Николай сидел за столом в кабинете, и, заметив его сквозь приоткрытую дверь, Ксана Андреевна бегом побежала на пляж от греха и искушения подальше.

То ли от жары, то ли от осознания того, что этот день последний, Ксану Андреевну охватило беспокойное томление – она заходила в воду, но тут же выходила на берег, садилась в кресло, раскрывала книгу, но читать не могла. Ей казалось, что ей хочется немного пройтись, но пройдя несколько метров, она чувствовала, что у нее заканчиваются силы...

Около полудня у моря неожиданно появился Николай с матерчатым зонтиком в руках:

– Что-то странное случилось с погодой. В предыдущие дни вам должно было хватать тени от скалы, но сегодня так жарко! – Николай раскрыл над ее полосатым креслом глубокий голубой купол.

– У вас голова не кружится? – спросил он.

– Да, есть немного, – осторожно ответила Ксана.

– Просто при высокой температуре действие эфирных масел усиливается. В результате головы у людей начинают вальсировать, а в душах происходят всевозможные мистические вещи... Не зря ведь монахи раньше использовали розмарин в качестве священного дымового растения...

Ксане Андреевне пассаж понравился, но виду она не подала и в ответ со старательным спокойствием сказала:

– Голова у меня слегка кружится, но по большому счету с ней все в порядке. С душой тоже. А запах я никогда не забуду. Поэтому я хочу побыть здесь сегодня подольше. Как никак последний день...

– Хорошо! – улыбнулся Николай. Потом помолчал немного и добавил: – Мальчиков сегодня не будет, они улетели на материк и вернутся завтра утром тем же самолетом, которым полетите вы. Так что мы с вами сегодня ужинаем вдвоем...

От слова «вдвоем» в сердце у Ксаны Андреевны что-то цельное надвое расщепилось – и душа ее со свистом унеслась в образовавшийся провал.

Душа Николо Кроче тоже уже ровно шесть дней, как была не на месте. Ничего похожего он никогда прежде не испытывал. Отношения с покойной Джулией с самого начала были равными и крепкими, их цементировало семейное дело и дети. Коренная островитянка, она блюла традиции и дом вела по правилам, правила исключали романтику и душевные волнения после заключения брака. Николо любил свой остров, но русская кровь где-то в глубине его души полоскала убеждение в том, что местные жители – люди эмоционально ограниченные, не способные со значением помолчать, прочитать полутон, поиграть интонацией. Ему всего этого иногда не хватало, и в поездках он заводил скорые романы. Даже в России провел ночь с девушкой, с которой случайно разговорился в фойе гостиницы. Но при этом ему ни разу не пришлось в голову задуматься о том, смог бы он прожить с кем-то из них год, два или оставшуюся жизнь? А с Оксаной, наверное, смог бы! В последние дни эта неожиданная мысль дразнила его постоянно, а еще ему было страшно оттого, что он-то прожить с ней мог бы, а вот она с ним – вряд ли! Здесь ведь край света, дверей никто не запирает. Она из мегаполиса, привыкла, что всё вокруг движется – а у них даже солнце с ленцой. К тому же у нее есть муж! Возвращаясь в дом, Николо представлял, как завтра в допетушиную рань она сядет в самолет и за считанные минуты превратится в маленькую,

но весьма категоричную точку на неокрепшем утреннем небе, – и в душе у него росла решительность: «Я должен попытаться. Должен! Даже если из этого ничего не получится...»

Для прощального ужина Эльса приготовила суп из черепахи и ягнятину в розмариновом соусе. Накрыла стол, водрузила торжественные блюда и с достоинством удалилась, впервые ответив на Ксанино «грацио» открытой улыбкой. «Наверное, она просто рада тому, что я наконец уезжаю», – подумала гостя.

– Вкусно, – рассеянно произнесла Ксана, попробовав суп. – Когда-то очень давно, я тогда еще в институте училась, в Советском Союзе была популярна песня про солнечного зайчика и суп черепаший. Этот суп был чем-то далеким, нереальным, но романтическим и притягательным...

– В Европе он называется «тортю» и считается деликатесом. А знаете, в чем его секрет? – Спросил Николай. Ксана Андреевна пожала плечами.

– В букете гарни. Берут лаванду, можжевельник, шалфей, тимьян, мелиссу и розмарин. Составляют букет и опускают его в кипящий бульон на строго определенное время. А розмарин в букете гарни – это самая коварная специя. Стоит лишь немного увеличить его дозу или поддержать чуть дольше положенного времени – и блюдо будет безнадежно испорчено.

– А если положить слишком мало? – спросила Ксана.

– А если слишком мало, то вы просто ничего не почувствуете. Важно взять ровно столько, сколько нужно.

– Это сложно, – глубокомысленно заключила Ксана Андреевна, позволив собственной рассеянности превратиться в невесомую грусть.

Сквозь распахнутые окна в дом ворвался теплый ветер, взволнованно позвав их на прогулку. В саду о личной жизни хозяина тихо сплетничали деревья. Крупные звезды самонадеянно пытались затмить своим сиянием бледную аристократичную луну.

– Вы знаете что-нибудь о звездах? – спросила Ксана, посмотрев в небо.

– Нет, – ответил Николо. – Помню только, что где-то вроде есть какой-то *Арктур*.

– И *Бетельгейзе*... – медленно произнесла Ксана

– И *Антарес*... – радостно вспомнил Николай.

– А еще *Альдебаран*, – добавила Ксана и рассмеялась.

«Неужели я ее люблю, – подумал Николай, – Смешно? *Любовь старика – это смешишь вас?..*»

В синем небе повисла соловьиная пауза, а светила вдруг сами сложились в *Южный Крест*, обязавший Николо Кроче напечатлеть Ксане Андреевне страстный и продолжительный поцелуй...

Ночь была нежна и – соответственно – слегка безумна.

В пять утра по переодевшемуся в маренго небу изредка скользила острая рассветная искра. Ксане пора было собираться.

– Как мы будем жить дальше? – осторожно спросил Николай.

– Не знаю, – ответила Ксана. Потом помолчала немного и добавила: – Ты же сам говорил, что главное с розмарином – не переборщить.

– Ты хочешь сказать, что для тебя все это всего лишь специя? Что ты не заинтересована? Что ты любишь мужа?..

– Я ничего не хочу сказать! – воскликнула Ксана, испугавшись и вопросов, и того, что напрочь забыла о своем «замужестве». – Просто я должна подумать... Все, что произошло, не похоже на правду. Мне нужно время, чтобы попытаться в это поверить. Если я поверю, то остальное не будет иметь никакого значения...

– И сколько времени тебе нужно? – спросил Николай.

– Сегодня пятнадцатое сентября. Ровно через месяц я тебе позвоню. И мы оба посмотрим... Может, к тому моменту ты сам обо мне забудешь...

– А если мне захочется услышать твой голос раньше?

– А если тебе захочется услышать мой голос раньше, то ты все равно дождешься пятнадцатого октября! – стараясь звучать строго, ответила Ксана Андреевна.

Над крышей дома сердитым шмелем пролетел маленький самолет. А еще через несколько часов самолет большой и хищный вернул Ксану Андреевну домой.

* * *

В аэропорту ее встретила стремительная Полина. Ключнула в щеку, схватила сумку и помчалась к выходу, разговаривая по мобильному телефону и пугая Ксану Андреевну словом «франшиза».

– Ну так, ты довольна? – поинтересовалась дочь уже в машине, но, не дождавшись ответа, тут же начала жаловаться на то, что безумно опаздывает, и ругать водителя маршрутного такси, который не позволял себя обогнать.

– Полинка, а меня замуж зовут. В Италию... – тихо произнесла Ксана Андреевна.

– Мапочка, может, тебе хватит замужеств, а? Или ты думаешь, что за границей мужчины другие? Так они везде одинаковые. И от такой милой, но – извини меня – рохли, как ты, они имеют обыкновение убегать без оглядки...

Больше всего на свете Ксана Андреевна не любила ситуации, когда она была вынуждена обижаться на дочь. Замолчав, она посмотрела в окно. К стеклу прильнул полинявший кленовый лист. Странно, но сейчас Полинины слова ее почти не задели. Полина же опомнилась:

– Мам, ты что, серьезно? Если так, тогда давай-ка рассказывай! Со всеми подробностями!

– Да нечего рассказывать, я просто пошутила, – спокойно ответила Ксана Андреевна.

– Ничего не пошутила, я же вижу! – отработывала провинность Полина. – Мам, я не имела в виду ничего такого... Не сердись! Лучше расскажи мне, кто он!

– Да нет же, Полинка! Рассказывать не о чем. Ну гуляла по бульвару с одним знойным итальянцем, ну говорил он мне комплименты – и все! А про замужество я просто так сказала – чтобы ты помнила, что мама у тебя еще очень даже ничего!.. Но это такие пустяки! Ты лучше скажи мне, как Анечка?

– Анечка хорошо, – ответила Полина и начала рассказывать. О празднике в бассейне, о спектакле в ТЮЗе и о чем-то еще. А Ксана Андреевна едва ли не впервые в жизни слушала новости о внучке, совершенно в них не вникая – смотрела сквозь плотно закрытое окно на серый асфальт дороги и не могла понять, откуда сыплется в машину этот невидимый мелкий муслиновый песок, от которого слезятся глаза...

Ей казалось, что это был самый долгий месяц в ее жизни. Стараясь обмануть неповоротливое время, она придумывала себе якобы важные и неотложные дела, но на обман поддавалось время плохо, а иногда и вовсе дразнилось. Скажем, затевала Ксана Андреевна генеральную уборку на своей и без того опрятной кухне, вынимала из шкафов все банки и пакеты, проверяла содержимое, выбрасывала, сортировала, мыла кафель, мебель и всевозможную кухонную мелочь. Потом украдкой бросала взгляд на часы и с радостью обнаруживала, что провела за этим занятием почти полдня! Включала телевизор, вспомнив, что приближается время вечернего сериала, но случайно попадала на какой-то мелкий местный канал, по которому показывали спектакль «Ромео и Джульетта» в исполнении учащегося театрального лица:

– Что, слова «розмарин» и «Ромео» не на одну букву? – интересовалась на экране полненькая девчонка лет шестнадцати.

– На одну, нянюшка, – отвечал похожий на херувима Ромео.

– Какие вы насмешники! – восклицала в ответ кормилица и с неоправданным презрением добавляла – Это же собачья буква!..

Настроение у Ксаны Андреевны почему-то резко падало. Она присаживалась у окна, рассеянно смотрела во двор, где под крепкой березой и сутулой городской яблоней деловито вертелись две местные дворняги. Осень не скупилась на резкие краски – береза была желтой, яблоня все еще зеленой, росший чуть в стороне клен – красным, а кусты сирени – агонизирующе пестрыми. Ксана Андреевна вспоминала нежные цвета ранних итальянских рассветов – осторожный голубой и нежный розовый, которые, как шелковыми лентами, опоясывали новорожденное небо... Потом подробно – секунда за секундой, минута за минутой, час за часом – воспроизводила в памяти последний день на острове. Доходила до последней ночи, смущалась и возвращалась в день первый. Потом во второй, третий, четвертый и снова последний, пятый... Удивлялась тому, что событий как таковых не было – они просто смотрели друг на друга, молча гуляли или о чем-то неглавном разговаривали... А в это время, их связывая, крепили невидимые нити, случайно осыпавшиеся с краешка шелковой ленты рассвета... Ксане Андреевне казалось, что она просидела у окна часа два, – а выяснялось, что всего лишь пять минут.

Девичник ей устраивать не хотелось, два раза она ходила в библиотеку, один раз в кино. Как-то вдруг отправилась к самой близкой приятельнице Юле на Гражданку – хотела ей обо всем рассказать, да так и не нашла слов, с которых можно было начать.

Заглянув однажды в книжный магазин, случайно заметила там толстый дорогой справочник «Лекарственные и пряные растения». Купила его, и, придя домой, со странным волнением стала читать раздел, посвященный розмарину. Ей вдруг показалось, что каждое слово здесь имеет тайный смысл, позволяющий прочесть будущее.

Оказалось, что «... пестик у розмарина с верхней четырехраздельной завязью и двурасщепленным столбиком. Плод состоит из четырех гладких буроватых орешков, заключенных в особую чашечку. Цветет с февраля по май, иногда зацветает дважды – в сентябре-октябре, плодоносит в июле. Растет на сухих солнечных склонах Средиземноморья, культивируется в Крыму, Закавказье и Средней Азии. Засухоустойчивый и любит тепло... Растет в открытом грунте. Размножается черенками. Лучшее время сбора – цветение, один гектар дает пять – семь тонн зеленой массы. Эксплуатация участка начинается со второго года и длится пятнадцать-двадцать лет. Каждые семь-восемь лет кусты необходимо омолаживать. В высоту достигает двух метров. Зеленые части пахнут. Стволик прямой, древеснеющий. Ветви округлые, кора легко отслаиваемая. Листья супротивные, почти сидячие, слабокожистые, продолговато-линейные, суженные к основанию, с цельными, завернутыми вниз краями, сверху темно-зеленые, почти голые, блестящие, снизу беловоюлочные, длиной до четырех сантиметров, с резко выступающей средней жилкой и эфирно-масличными желёзками. Цветы почти сидячие, собраны по пять – десять штук в ложные кисти на концах веточек. Чашечка колокольчатая, двугубая, снаружи опушенная, с многочисленными эфирно-масличными желёзками. Венчик бледно-фиолетовый или голубой, изредка белый, длиной до одного сантиметра, двугубый с выемчатой или двухлопастной верхней и трехлопастной нижней губами. Тычинки числом две превышают венчик...»

Еще в справочнике сообщалось, что эфирное масло розмарина состоит из пинена (до 30 %), камфена (20 %), цинеона (10 %), борнеола (10 %), камфары (7 %), кариофиллена (8 %) и борнилацетата (2 %), а в листьях кроме всего прочего содержатся алкалоиды – розмарицин и урсоловая кислота. Растение применяется для лечения нарушений менструального цикла

у женщин, как тонизирующее средство при упадке сил, а также в качестве желчегонного и успокаивающего – особенно при нервных расстройствах в климактерический период...

Ксане Андреевне показалось, что последняя фраза звучит издевательски.

* * *

Молочным утром пятнадцатого октября в хозяйском доме на розмариновом острове за немолодым, но мощным дубовым столом сидели трое мужчин. В глазах отца мелкой и острой галактической пылью вспыхивали искры, обжигавшие сыновей.

– Она должна позвонить, – говорил Николо. – Я уверен в этом. Я мог бы попытаться как-то узнать ее телефон и позвонить ей сам, но в России сейчас четыре утра... Ваша задача – объяснить, что я ее жду, что ничего не изменилось. А еще – записать номер телефона и сказать, что я перезвоню ей сегодня же вечером, когда вернусь домой... Вот, я написал по-русски нашими буквами – нужно только прочесть. А вот на всякий случай словарь... Вы обязаны мне помочь! Для меня это очень важно. Гораздо важнее, чем что бы то ни было! Даже важнее, чем наше семейное дело. Рано или поздно, но вам придется брать бизнес в свои руки. У вас обоих уже достаточный опыт... А мне пора на отдых – буду путешествовать и читать книги на языке вашего деда... А еще я хочу, чтобы вы знали, что она – не просто случайная знакомая. Она мне действительно нужна! Очень нужна! Вашу мать это не рассердит, уверяю вас...

«Черные лебеди» робко кивали головами и смущенно отводили в сторону глаза. Когда же за отцом закрылась дубовая дверь, их тяжелые взгляды встретились и завязались в безнадежный морской узел, после чего раздался тихий и рваный лебединый клекот:

– Мы должны сделать это...

– Но...

– Преступно...

– Она сказала нам... три слова...

– Да... адвокат... дочь... внучка...

– Адвокат...

– Она отберет у нас все!..

– Безумие... сохранить... в семье...

– Обязаны...

– Долг...

– Но преступно...

– Предотвратить...

– Безумие...

– Будь проклят этот Чехов.....

* * *

За несколько часов до этого в густо-синем с мокрыми желтыми всплесками пространстве петербургского вечера на ужин к матери пришла Полина с мужем и Анечкой. Семья сидела за красиво накрытым столом, в супнице дымился топазовой прозрачности бульон, на большом блюде вальяжно разваливались по-осеннему разноцветные перцы, фаршированные мясом и грибами. На улице моросил мелкокрапчатый дождь. Полина рассказывала об Анечкиных успехах в школе раннего развития.

– Ну вот, опять так темно, что звезд не видно! – воскликнула внучка, выглянув в окно. – Нам вчера задали найти на небе Большую Медведицу и какого-то барана, – и без паузы продолжила: – Ба, а мороженым ты меня кормить собираешься?

В ответ Ксана Андреевна зарыдала. Слезы были похожи на пощечину и мгновенный летний дождь – хлопок и все мокрое.

– Мама, у меня есть хороший врач, – спокойным тоном заметила Полина. – Я позвоню ему на этой неделе. Не переживай, это не страшно. Сейчас продаются отличные препараты, они в два счета снимут все эти возрастные симптомы.

Ночью Ксана Андреевна долго не могла уснуть. Все вокруг казалось медицинским и горьким – словно она злоупотребила временем и передержала в сердце букет гарни. Но укачивавшая сознание мрачная уверенность в том, что завтра ее ждет разочарование, уже не здесь, а там, во сне, вдруг уступала место осторожному предвкушению чуда. Сердце от этого перепада подпрыгивало, Ксана Андреевна просыпалась – и горечь возвращалась снова.

Погода всю ночь негодовала. Гроза то и дело обнажала пульсирующие, наполненные густой кровью артерии неба, и исхлестанная ливнем сочная пышная осень к утру устала и собралась на пенсию. В сером небе неторопливо прогуливалась одинокая туча, похожая на даму с собачкой.

Ксана Андреевна чувствовала себя совершенно разбитой – не помог даже крепкий кофе. Весь этот месяц она согревалась воспоминаниями о пяти днях, проведенных на острове, но в будущее, боясь обжечься, не заглядывала. Теперь же стало очевидным, что зыбкая романтика так или иначе обретет очертания какой-либо реальности, а перекачывавшаяся в душе у Ксаны волна доберется до берега... И бог знает, каким он будет, этот берег – холодным и остро-каменным или нежным и бело-песочным.

Ксана Андреевна пыталась рассуждать. – «Если Николо влюблен всерьез, то за тридцать дней чувства его должны только окрепнуть. Но тогда почему он до сих пор не позвонил? Ну и что, что раньше срока! Да мало ли, что она ему наговорила! Мужчина всегда может что-нибудь придумать, если он, конечно, хочет... Или это другой случай – чувство, которое развивается от присутствия?... Одно дело, замечать, что ты здесь, а другое – не замечать, когда тебя нет – как было написано в какой-то переводной книжке... Она уехала, все встало на привычные места, он понял, что так лучше, спокойнее. Ведь в их возрасте любые, даже самые незначительные перемены переживаются очень тяжело...

Или, может, вообще ничего не было? Ни Николо, ни острова?... Ей это привиделось, приснилось! А на самом деле она отсидела положенную неделю на гостиничном пляже с книжкой Барбары Картланд, в которой как раз и описывалась вся эта история. У нее просто климакс!.. Мозги временно выключились, вот она и решила, будто все, о чем рассказывается на тонких серых страницах под розовой в золоте обложкой, – будто все это произошло с ней лично!.. Телефон? Так она его из книжки и переписала, там же были какие-то цифры... где-то в середине...»

И словно желая поскорее убедиться в справедливости последних подозрений, Ксана Андреевна набрала оператора международной связи и серым голосом попросила соединить ее с четырнадцатизначным номером затерянного в Средиземном море фиолетового острова.

Трубку забетонировала бесцветная тишина. Прохаживавшаяся по небу «дама с собачкой» дурнела и полнела на глазах.

– Говорите! – строго велела пробившаяся сквозь бетон телефонистка.

Ксана Андреевна молчала, не зная, что говорить, как и – главное – кому! На другом конце провода ответил мужчина, итальянец. Но не Николо Кроче. По крайней мере, не тот, каким Ксана Андреевна его запомнила. Или вообразила.

– Здравствуйтесь, – произнесла она после долгой паузы. – Хай... Мне нужен Николо... Николо Кроче...

– Нье-ет, – прозвучало в ответ.

– А где он? Вериз хи?

– Его нье-т. Он умьер. Хи из дэд. Три недьели... Сьердце, хард... Синьора... – И дальше, вызывая ужас, упругой струей холодной воды в лютую стужу, полилась быстрая итальянская речь...

* * *

Николо прилетел на материк около восьми утра. Встреча с директором фармацевтического концерна была назначена на десять. В аэропорту взял на прокат похожую на гончую собаку гоночную машину и рванул к центру, пытаясь скоростью заставить время побыстрее добежать до вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.